

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Алексей ГЛУШАНОВСКИЙ

ТЕНЬ
ОСНОВАТЕЛЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Алексей Алексеевич Глушановский

Тень Основателя

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49396723

Тень Основателя: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2019

ISBN 978-5-9922-2992-9

Аннотация

Наследник Древнейшего рода. Родич императоров могущественнейшей Лаорийской империи. Паладин великой богини, с которого она не сводит своего благосклонного взгляда, никогда не отказывая в поддержке и помощи... Вот только род Сержак истреблен, а за мою голову платят ее вес в золоте. Империя давно рухнула, распавшись на множество независимых государств. И если кто-нибудь проведает о моем родстве с императорами Лаоры, то цена за мою голову возрастет многократно. Вот с богиней все хорошо. Не считая сущей мелочи. Я не упомянул? Темная Леди, моя покровительница, – богиня Тьмы и Смерти и главный ужас всего светлого мира. Так что моя голова – заветный трофей для всех служителей светлых богов.

В общем, при таком количестве «доброежелателей» не потерять голову очень сложно. Но я постараюсь!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	72
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Алексей Глушановский

Тень Основателя

Пролог

Рыцарь – королю:

– Сир, я славно потрепал ваших врагов на западе!

– Но у меня никогда не было никаких врагов на западе!

– Теперь есть, сир.

Признаться, первые несколько секунд я был несколько... ошарашен. Ладно, ладно, скажу честно – чуть больше, чем несколько секунд. Впрочем, когда появившееся привидение начало разговор, я мигом успокоился и приступил к делу, ради которого и забрался в эти развалины. Если кто собрался убивать – болтать он не будет. А кто языком трепать начал – значит, с ним и договориться можно. Это у меня всегда хорошо получалось. Вот и сейчас, не обращая особого внимания на что-то там вещающего гостя, я приступил к делу.

А призрак... А что призрак? Стоило только спросить его, кто он такой и отчего умер, – судя по легендам, все привидения просто обожают болтать на эту тему, – как он немедленно разразился целой речью. Похоже, легенды иногда бывают правдивы. Слушая его вполуха и иногда поддакивая в

особенно эмоциональных местах, я не терял времени даром. Летняя ночь так коротка...

Я умер быстро. Как потом говорили историки, я этого не заслуживал. По всеобщему мнению, я должен был умирать долго и мучительно, чтобы хоть в малой мере заплатить за содеянное мной. И все же я умер легко и быстро.

Холодный блеск кинжала в руке того, кому, как я думал, можно было полностью доверять, режущая боль в сердце – и все. Но только, как оказалось, там, куда все уходят, мне места не было. Когда я создавал свою империю, погибли слишком многие, и кровь тех, кто был убит безвинно, намертво закрыла передо мной врата небесного чертога.

Однако благословения множества людей, которых спасли установленные мной законы, не дав разориться, умереть голодной смертью, пасть под ножами разбойников или мечами солдат-завоевателей, не позволяли низвергнуть мою душу в бездну хаоса. Так я остался здесь, в созданной моим трудом империи, бессильным призраком, затерянным в бесконечных коридорах построенного по моему приказу и проекту Великого замка.

Так прошли годы и десятилетия. Мой убийца занял мое место, и придворные лизоблюды рукоплескали «низвержению тирана». Историки и летописцы, желая доставить удовольствие царствующему монарху, не жалели черной краски, описывая мои деяния, и лили мед и патоку в описания

«всеобщего благоденствия» лет под его властью.

Впрочем, справедливости ради должен признать, что он и впрямь оказался довольно неплохим правителем. Умный и хитрый политик, в свое время сумевший обмануть даже меня, он был никудышным полководцем, но, зная об этом своем недостатке, даже не пытался расширить границы империи, удовлетворившись тем, что было захвачено мной.

Видя, как благословляет народ установленные мной законы, он переписал их своими словами, сохранив общий смысл, и назвал «новый» кодекс своим именем. Хороший экономист, он заботился о торговле и бросил созданные мной легионы на освоение диких северных земель – ведь воевать он не собирался.

Там, на севере, его инженеры нашли большие залежи золота и руд. Заложенные им прииски действуют до сих пор, принося немалые богатства их нынешним владельцам.

Население империи под его рукой стремительно богатело. Он отменил запреты, наложенные мной на потребление перегнанного вина и дурманящих снадобий, и отныне в любом кабаке славили его имя.

Так я окончательно превратился в людской памяти в жестокого и кровавого тирана-завоевателя, мое имя стало использоваться лишь для самых злобных, подсердечных проклятий, а потом и вовсе практически забылось, чему немало способствовали указы и пожелания моего убийцы. В памяти народа я так и остался лишь жуткой черной тенью, заво-

евателем с обнаженным мечом, залившим кровью половину мира и вылепившим из этой кровавой каши прекрасное здание Лаорийской империи.

Знамя, мое знамя, никогда не склонявшееся перед врагом, было объявлено «символом кровавого становления империи», и атакующий дракон на алом стяге, избранный мной, был заменен золотым грифоном на белом фоне.

Знак воина был сменен символом купца, и лишь в старом тайнике, одном из многих, заложенных мной когда-то, я еще мог любоваться на великого дракона, ставшего знаком моих побед; дракона, вышитого на алом полотнище боевого знамени одного из погибших легионов.

Шли годы. Бессильным, не могущим повлиять ни на что призраком я бродил по бесконечным переходам дворца, мечтая о мести и изнывая от ее невозможности. Пожалуй, это было самым отвратительным – ощущать свое бессилие и беспомощность, мне, когда-то одним своим словом бросавшему в кровавую схватку многочисленные легионы и выходявшему победителем из тренировочных схваток с любыми тремя ветеранами моего войска.

Но время шло, и мой убийца состарился. Он умер тихо, в своей постели, окруженный скорбящими родичами, плачущими детьми, внуками и правнуками, передав трон своему сыну. Я так и не узнал, куда ему было суждено попасть, открылись бы ему светлые небеса или же мрачные ворота бездны. В тот самый миг, когда душа его отделилась от тела,

я напал на него – ведь теперь наше положение было равным!

Он всегда был слабее меня в бою, хотя нас и учили одни и те же преподаватели. Но у него не было той ярости боя, безумного наслаждения битвой, стремления к победе любой ценой, что всегда отличали меня, и потому он неизменно проигрывал все поединки со мной. Проиграл он и на этот раз.

Собственно, он даже почти не сопротивлялся, слабо отбиваясь и пытаясь выкрикивать какие-то оправдания, пока я рвал его эфирное тело в клочья, поглощая суть и силу его души. Но, ослепленный ненавистью и свершаемой мстью, я не прислушивался к его жалким оправданиям.

Признаться, я и сейчас не сожалею об этом. Какими бы вескими ни были причины, оправдать подлое убийство того, кто доверял тебе полностью, нельзя ничем. Несомненно, то, что я делал, было грехом куда тяжелее всех свершенных мной при жизни. Я лишил посмертия душу моего врага, присваивая себе то право, которое издревле принадлежало одним лишь богам. Но... он получил по заслугам... и хватит об этом.

Остальных его потомков, правителей и нет, злодеев и милостивых, благородных и подлецов, развратников и морализаторов, я не трогал, позволяя отправляться после смерти туда, куда им и было положено по их заслугам.

Время шло. Созданная мной империя вступила в эпоху умирания. Все проходит, в свой срок рухнула и она. Несколько-

ко окраинных герцогов, объединившись, сочли себя достаточно сильными, чтобы бросить вызов отдаленному потомку моего убийцы, слабому, безвольному созданию, по прихоти богов взошедшему на обсидиановый трон.

Такова моя история, потомок. И если ты вздумаешь высказать хоть что-то из того, что вертится сейчас на твоём языке, клянусь черным драконом, я вырву твоё сердце!

Глава 1

Плебеи вольного города

– Вася, ты вообще о чем-нибудь еще думаешь, кроме еды и секса?!

– Точно, пиво забыл купить!

– Угу...

– Ага...

– Ого...

– Конечно...

Автоматически поддакивая, я ускоренно жевал. Мало ли. Как бы там ни было и какую бы пакость ни уготовила мне в очередной раз судьба, а эту курочку я съем! Сам украл, сам зажарил... вот пусть хоть все демоны ада разом набросятся – все равно проглотить успею! Слишком редко мне удавалось украсть такую дорогую добычу – уж что-что, а свою живность хозяева берегли на совесть. Это не ворон из пращи бить...

Сказать по правде, вкус у ворон премерзкий. А вот курочка – совсем другое дело! Э-э-эх...

Эти развалины я присмотрел уже давно. Находились они совсем недалеко от города, и слухи о них ходили самые неприятные – так что даже наиболее отчаянные банды не рисковали посещать бывший императорский замок. В об-

щем, они были просто идеальным укрытием: как хорошо, что у столь многих идиотов суеверия преобладают над разумом!

Правда, когда я зарезал и зажарил честно стыренную курочку на какой-то будто специально для этого предназначенной каменной плите в середине почти уцелевшего зала, передо мной немедленно материализовалась и причина полной заброшенности столь привлекательных руин.

Оказывается, глупые суеверия не всегда глупы! Это было весьма неприятным открытием.

Появившийся полупрозрачный тип в старинных доспехах и с пылающими красным огнем глазами едва не заставил меня срочно поменять свои планы, заменив роскошный пир из двух участников (я и жареная курица!) на другое, куда менее приятное времяпровождение (спешное бегство сломя голову, ночью, на голодный желудок и с испачканными штанами).

Пожалуй, я бы и впрямь сбежал... если бы не одно «НО». Чертов призрак возник как раз между мной и моим сегодняшним ужином (а также завтраком, обедом и полдником; и не только за этот день). В общем, бросить свою добычу я просто не мог. Мой желудок однозначно не простил бы мне подобного святотатства.

Пришлось прибегнуть к дипломатии, что принесло неожиданный успех. Этот тип, похоже, изрядно соскучился по возможности поболтать и разливался соловьем. Все, что от меня требовалось, – это поддерживать его энтузиазм

редкими междометиями и восхищенными возгласами, которые я издавал в промежутках между жевательно-глотательной деятельностью.

Однако после моего последнего слова в зале воцарилась какая-то нехорошая тишина. Обычно, если подобная тишина возникала в каком-нибудь трактире, она имела вполне однозначный смысл. Кого-то будут бить. Возможно, даже ногами. А поскольку в данный момент в этих руинах не было никого, кроме меня и призрака, выбор кандидатур для битья был вполне однозначен. Призрака-то бить бесполезно!

Спешно дожевывая вторую ножку, я поднял глаза на грозно нависшего надо мною призрака.

– Фе фыфыфось?

– Что-что?.. – с какой-то нехорошей мягкостью в голосе переспросил тип, продолжая сверлить меня взглядом самым пренеприятным образом.

Торопливо сглотнув и попятившись – несмотря на свою полупрозрачность, а может быть, именно благодаря ей, тип выглядел *очень* опасным, – я повторил свой вопрос:

– Что случилось-то?

– О, ничего особенного, потомок.

Приторная ласковость голоса призрака мне крайне не понравилась, будя какие-то нехорошие предчувствия. И следующая же фраза моего собеседника полностью эти предчувствия оправдала:

– Ты только что добровольно и без какого-либо принуж-

дения согласился с моим предложением вырвать тебе сердце!

– Ой... – Я попытался отшатнуться, машинально закрываясь крепко зажатой в руке полуобглоданной куриной ногой, однако из этого маневра ничего не вышло. Стена зала как-то очень коварно оказалась прямо за моей спиной, так что вместо шага назад я просто крепко стукнулся затылком об эту самую стену повышенной вредности. Как результат столкновения – моя рука, которой я пытался прикрыться, дернулась, и куриное бедрышко оказалось у меня во рту. А там уж сработали рефлексы...

Глядя на безмятежно жующего оборванца, Динган, помимо собственной воли, испытывал искреннее восхищение перед наглостью потомка. Нет, ну это же надо! В Ночь Свершений забраться в развалины его дворца, которые нынче совершенно заслуженно именуется проклятыми, принести Жертву Крови и Огня, после чего, внаглую игнорируя пришедшего на зов, просто-напросто взять и сожрать жертвенную курицу!

И ладно сожрать! Когда он, Дракон, раздраженный столь демонстративным игнорированием собственной персоны, пригрозил вырвать ему сердце, этот нахал просто-напросто отошел на шаг в сторону, прислонился к стене и как ни в чем не бывало продолжил жевать!

Данное обстоятельство одновременно до невозможности

злило императора (как! – его, самого Лаорийского Дракона, посмел игнорировать какой-то малолетний невоспитанный наглец!) и в то же время наполняло гордостью (несмотря на все прошедшие века, его кровь не выдохлась и не ослабла!). Стоящий перед ним юноша, едва ли четырнадцати лет от роду, худой до последней стадии и одетый в отрепья, которыми во времена правления Дракона побрезговал бы и последний нищий, не только не боялся его вида, нагонявшего ужас на куда более могучих и опасных людей, но не испугался даже прямой угрозы! Это заслуживало уважения.

Так что сейчас он пребывал в тягостном раздумье. Столь наглое поведение потомка заслуживало самого сурового наказания. Вырывать ему сердце он, конечно, не будет – потомок все же, родная кровь... да и молод больно, детство играет. Но наказать надо однозначно!

С другой стороны, подобная отвага была древнему воителю весьма и весьма приятна. А значит, заслуживала награды. И как тут быть? Наказывать или награждать?

Надо сказать, это очень неприятная ситуация – стоять перед недовольным призраком, собирающимся вырвать вам сердце, когда за вашей спиной – стена (читай – удрать не получится) и даже рот наполнен плохо прожаренной курятиной, что весьма затрудняет попытку объяснить привидению всю ошибочность его намерений.

В том, что он и впрямь способен осуществить свои угро-

зы, я ничуть не сомневался. Несмотря на то что мое обучение было прервано по независящим от меня обстоятельствам, историю возникновения Лаорийской империи я изучить успел. И если этот призрак не врал, а, судя по легендам, привидения могут недоговаривать, но не лгать напрямую, он и был тот самый Динган Лаора. Первый император, прозванный Кровавым Драконом.

Человек, слава о силе и жестокости которого пережила века и созданную им империю. О нем ходили самые разные слухи, легенды и истории. Одни его прославляли, другие поливали грязью, некоторые даже высмеивали. Но все они сходились в одном: если Лаорийский Дракон обещал кого-то казнить – повесить, отрубить голову, сжечь на костре или... вырвать сердце – свое обещание он выполнял самым неукоснительным образом.

Надо сказать, такая скрупулезность моего собеседника в этом вопросе меня совершенно не радовала. Однако времени на долгие рассуждения не было. Если я в самое ближайшее время не предприму каких-либо действий, он ведь и впрямь мне сердце вырвет... А оно мне, признаться, еще пригодится. Я ж не нечисть какая, мне без сердца выжить не получится.

Краткое раздумье принесло единственное решение, которое давало хоть какой-то шанс.

Быстро проглотив остаток курицы, я отбросил кость в сторону и, подняв руки вверх, максимально жалобным тоном

произнес волшебную фразу:

– Не надо. Я сдаюсь. – После чего, припомнив один из старых законов Лаорийской империи, быстро добавил: – Сдаюсь на милость и пощаду Дракона без сопротивления и промедления, немедленно по предъявлении ультиматума.

Все-таки хорошо иметь классическое образование, пусть даже и не завершённое должным образом... Ну кто бы мог подумать, что когда-либо в жизни мне может понадобиться знание давным-давно отменённых, устаревших более полу-тысячелетия назад законов, которые зачем-то вдабливала в меня матушка вкупе с преподавателями.

Однако вот... пригодились. И, вполне вероятно, спасло мне жизнь, а заодно позволило полюбоваться воистину уникальным зрелищем. Кто ещё из ныне живущих мог бы похвастаться тем, что видел самого Лаорийского Дракона изумлённым до отвисания челюсти и округления красных, словно налитых кровью глаз?

Не думаю, что даже при жизни Динган часто баловал своих подданных таким зрелищем. А уж сейчас...

Правда, закон «О пощаде сдающимся», который я вспомнил, в основном касался стран и городов, которые захватывал или планировал захватить Дракон, однако же нигде в нём не было сказано, что им не может воспользоваться и просто человек.

А раз не запрещено, значит, разрешено! К тому же большинство легенд сходилось на том, что установленные им

законы Лаорийский Дракон старался соблюдать. Правило «Что позволено вельможе, то смерть для простолюдина» было введено только Третьим императором, почти через сто лет после смерти Дракона.

Поганец. Хитрый, наглый и очень неглупый поганец! Но раз даже этот ребенок, по виду которого никак нельзя предполагать наличие высокого образования, знает мои законы – значит, помнят!!! Помнят, несмотря на прошедшее время и все усилия моего брата! Значит, все было не напрасно!

Ишь как настороженно зыркает. Похоже, все же боится. Напрасно, конечно. Я бы его и так убивать не стал, а уж после такого... Знал бы он, как меня порадовал своим заявлением, – мигом бы успокоился. Ага, и небось вновь за курицу бы взялся...

Нет уж, знаю я свою породу. Сам таким был. Пусть лучше пока понервничает. А я пока обдумаю достойную награду. Хотя... что тут думать. Явно мой потомок. Причем по прямой линии, уж слишком хорошо я чувю в нем свою кровь. Наглый до невозможности – вылитый я в детстве...

И награда, и наказание заодно... Да и мне на ближайшие лет пятьдесят – семьдесят неплохое развлечение будет... А может, и больше, ежели он от меня не только наглость унаследовал...

Впрочем, дам, пожалуй, ему шанс отказаться. Судя по всему, вызвал он меня случайно, и если ему ничего, кроме

жареной курицы, не надо, то пусть себе идет с миром. Такие вещи насильно не вручают. Но вот если его желания одной едой не ограничены... если он согласится... Это может быть и впрямь интересно!

– А-ха-ха-ха!

Ошарашенность призрака наконец сменилась долгим и искренним смехом, и я облегченно перевел дух. Это был не угрожающий злорадный хохот, которого подсознательно ожидаешь от человека, прославившегося как самый кровавый тиран всех времен и народов, и не зловещее хихиканье замыслившего пакость подлеца, нет. Это было веселое, искреннее ржание, качеству которого могла бы позавидовать любая лошадь. Тот, кто намеревается тебя убить, так смеяться не будет. Разве что подшутить, но уж шутку я как-нибудь переживу... надеюсь...

– Назови себя, потомок, – закончив смеяться, потребовал Дракон. – Мне любопытно, каким городом или страной ты являешься, раз решил сдаться с такой формулировкой.

А вот это было больно. Вряд ли моего собеседника устроит то имя, под которым я был известен в городе. А прежнее имя... право на него я утратил, шагая по подземному ходу, в то время как над моей головой пылал родовой замок. И пусть я был слишком мал, чтобы оказать полноценное сопротивление захватчикам, пусть выполнял прямой приказ отца... до тех пор, пока кровь родных, погибших тогда, оста-

ется неотмщенной, прав на это имя у меня нет.

– Имя! – прекратив смеяться, грозно потребовал Дракон, которому, похоже, пришлось не по душе мое молчание.

– Неженка. – Имя, точнее, прозвище, некогда полученное от главаря крупнейшей банды Нижнего города, мне не нравилось. Нынче и эта банда, и ее глава мертвы, а имя осталось. В основном потому, что другого у меня сейчас не было. И наверное, не будет больше никогда. Мелкий бродяжка и великий герцог – слишком несопоставимые величины, так что свои шансы на возвращение родовых владений я оцениваю вполне трезво. Что, впрочем, не помешает мне подлить этой жирной сволочи, великому герцогу, яду в кубок, как только я придумаю хоть один более-менее реальный способ подобраться к нему.

Призрак морщится.

– Мне не нужно твое прозвище. Тем более что уж на неженку ты никак не похож. – Он с ясно видимым сомнением осматривает меня с ног до головы. – Назови свое истинное имя и род, из которого ты приходишь. – Голос Дракона звякнул металлом, буквально вышвыривая из головы любые мысли о возможности неповиновения.

Я ответил мгновенно, даже не задумываясь о том, что говорю. Вбитые в детстве рефлексy взяли верх – когда спрашивает император, должно отвечать! Вытянувшись вверх, голова чуть склоняется, как когда-то учил Петерьян, – мир твоему праху, наставник, – и вновь распрямляется, описывая

идеальную дугу малого придворного поклона. Голые пятки сами собой притоптывают по грязному полу в пародии на щелчок несуществующими каблуками, и я слышу свой собственный голос, говорящий давно запретные слова:

– Альдер де Сержак, наследник рода. Приветствую вас, повелитель!

Затем меня отпускает... но уже поздно. И все, что я могу, лишь добавить жалкое оправдание:

– Это прежнее имя, право на которое я утратил. Сейчас меня зовут «Неженка из предместья». Хотя куда чаще просто: «Эй, ты, дуй сюда!» или «Вали отсюда, белобрысый!» – добавил я тихим голосом.

Впрочем, похоже, призрак меня уже не слышал. Он что-то бормотал, видимо всецело погруженный в свои воспоминания. Прислушавшись, я смог различить что-то вроде: «Сержак... Ну, Дора, ну, стерва! И ведь ни словом, ни вздохом, ни намеком... И почему не сказала? А может, и к лучшему... Всех остальных, известных, братец-то того... А тут даже я не знал... Ну и хитрая же ведьма!!! Как будто предвидела. А может, и впрямь... всякие про нее слухи ходили. Могла бы и предупредить. Стерва!» – причем последнее слово было произнесено настолько мечтательно-восхищенным тоном, что никаких сомнений в отношении Первого императора к одной из древних представительниц нашего рода не оставалось.

Наконец отвлекшись от приятных воспоминаний, при-

зрак обратил свое внимание на меня.

Некоторое время он просто пристально всматривался в мое лицо, словно пытаюсь высмотреть нечто тайное, разобрать какие-то одному ему понятные знаки и символы. Хотя что он мог увидеть? Последний раз на свое отражение я смотрел сегодня утром. Грубая глиняная чашка, которую я спер у храмового сборщика пожертвований, не пережила короткой встречи с моей ногой, так что жажду пришлось утолять прямо из кадушки для сбора дождевой воды.

Отражение там, конечно, не очень, не сравнить с нормальным зеркалом, но кое-что разглядеть все же возможно. Для оценки этого вполне достаточно. Так что я абсолютно уверен: нет там ничего достойного столь пристального внимания. Роба как роба. Чуть более тонкие, чем у большинства других мальчишек Нижнего города, черты лица, скрываемые вьезшейся пылью, успешно противостоящей редким попыткам мытья. Спутанные светлые волосы до плеч. Голубые глаза. Ничего особого... В Нижнем подобных мне бродяжек – одиннадцать на десяток будет. Но что-то Дракон, похоже, все же высмотрел, поскольку после долгого разглядывания сделал мне самое необычное предложение, которое я только получал за свою жизнь.

– Чего бы ты хотел? – Видимо, заметив мой взгляд, брошенный на бранные останки курицы, Первый император чуть заметно покачал головой: – Только не вздумай сказать, что хотел бы еще одну курицу. Это будет большой глупостью

с твоей стороны!

– Почему? – не удержался я от вопроса. Интересно, он и мысли, что ли, читать может или просто так догадался?

– Во-первых, потому, что такой шанс выпадает нечасто и не стоит его тратить на такую мелочь, – холодно ответил призрак, а затем чуть усмехнулся и добавил: – Ну а во-вторых, у меня нет курицы! Прежде чем ответить, подумай, потомок. Как следует подумай! Предупреждаю, я могу дать тебе многое, очень многое, но и цену возьму соответствующую. Сейчас ты еще можешь сказать, что не нуждаешься в моих дарах, и просто уйти. Не бойся, я отпущу тебя. Но не будешь ли ты всю свою оставшуюся никчемную жизнь жалеть о том, от чего отказался? – Сейчас его голос был строг и серьезен.

Стоило только мне раскрыть рот, как призрак вновь перебил меня:

– Я сказал *подумай!* Но не только о том, что ты теряешь, отказавшись, но и о том, что потеряешь, назвав мне свое желание. Попросив какую-нибудь мелочь, вроде богатства, не будешь ли ты жалеть всю жизнь о том, что отдашь мне за презренное золото? Думай хорошо, потомок!

Собственно, я и думал. Судя по всему, мой предок, если, конечно, верить его утверждениям, был и впрямь настроен весьма серьезно. И похоже, даже в таком полупрозрачном состоянии мог немало. А значит, это был шанс! Призрачный, как и тот, кто его предлагал... Но даже призрачный шанс – это куда лучше, чем полная безнадежность. А значит, про-

свить курицу или там деньги на ее покупку было бы действительно очень глупо.

Вообще-то у меня было одно желание, плата за исполнение которого не имела ровным счетом никакого значения. Желание совершенно невозможное – не с моими силами тягаться с великим герцогом, – но если бы кто-то еще десять минут назад спросил меня о существовании привидений, я бы твердо ответил, что их не существует. Так, может быть, несуществующий призрак и впрямь может исполнить мое невозможное желание?

– Итак, чего ты хочешь? – поторопил меня Дракон.

– Я хочу вернуть себе свое прежнее имя или хотя бы получить возможность это сделать! – твердым голосом ответил я на вопрос привидения.

Громкий и, надо признать, на этот раз весьма зловещий хохот Первого императора был мне ответом.

– Вот за это вас и боялись, – отсмеявшись, сказал призрак. – Истинный Сержак. Оборвыш оборвышем, но блюдет обычай, древний и почти забытый даже в мое время. И мечта у него – не золота побольше и еды понежнее, а вырезать весь род обидчиков до последнего ребенка да вернуть старые владения, еще и небось с изрядным куском в придачу. «Не забывать и не прощать» – подозреваю, что у таких консерваторов и девиз, наверное, до сих пор не изменился?

Я кивнул, соглашаясь с его словами. Зачем скрывать то, что известно всем? В том числе и князю. Собственно, древ-

ний обычай «утери имени», помимо ритуального, имел и вполне житейский смысл. За голову последнего из нашего рода великий герцог Атари готов был выплатить ее вес в золоте. Если бы мое старое имя только прозвучало в местах моего нынешнего обитания, то я, без сомнения, быстро бы утратил эту столь дорогостоящую часть своего тела. Что было бы для меня весьма печально. Чем бы я тогда кушал?

Внезапно прекратив смех, призрак уставился на меня тяжелым взглядом красных глаз.

– Ты выбрал, – веско промолвил он, а затем коротко приказал: – На колени!

Ни запротестовать, ни хоть как-то возразить я попросту не успел. Ноги подогнулись сами, и, больно ударившись коленками о грязный пол, я замер перед Драконом. Первый император, и будучи призраком, оставался повелителем, и противостоять его приказам у меня просто не получалось!

Глядя на взмывающий надо мной призрачный меч, я тоскливо думал о недоеденной курице и о том, что, описывая исключительную правдивость Дракона в плане казней, историки все же кое в чем ошибались. Как оказалось, не так уж он в этом деле и скрупулезен. Обещал-то вырвать мне сердце, а не отрубить голову!

Вы знаете, что такое счастье – чистое, беспримесное и абсолютное? Я теперь знаю. Счастье – это когда занесенный над твоей головой меч мягко опускается на плечо, а вместо мягкого голоса Темной Леди, приветствующей вас в своих

владениях, ты слышишь торжественное: «Встань, паладин империи. Пусть это будет последний раз, когда ты стоял на коленях», – произнесенное торжественным голосом императора.

Паладин. Он сделал меня паладином!!! Вот же...! И даже –!!! Уж лучше бы я попросил курицу!

Встав с колен, я первым делом проверил свои штаны. Как ни странно, там было сухо и не имелось ничего лишнего. Затем я помолчал. Потом помолчал еще. И еще.

Нет, мне, конечно, очень хотелось искренне и образно поблагодарить Первого императора за его действия, но если, выбирая между паладинством и жареной курицей, я однозначно предпочел бы курицу, то выбор между возможностью высказать свое мнение и вырванным сердцем был отнюдь не так прост. В смысле – высказаться хотелось, и даже очень. Но жить хотелось больше. Так что я молчал.

– Ну и чем ты сейчас недоволен?

Гримаса на лице потомка была столь выразительна, что по ней можно было легко разобрать все те непечатные выражения, что он мысленно посылал в мой адрес. Умен, ничего не скажешь. Впрочем, сейчас он вряд ли может представить все размеры подложенной ему мною свиньи. Пока что он может различить разве что небольшой кусочек соевых окороков, высывающихся из гигантской грязной лужи политики. Интересно, что же будет, когда он полностью осознает, во что

я его втравил?

Впрочем, это осознание придет еще не скоро. А пока – надо подсластить пилюлю.

– Я дал тебе тот самый шанс, о котором ты и просил!

– Да? – Яда в голосе парня вполне хватило бы на то, чтобы отравить половину Великой степи. – Значит, лишение возможности солгать даже в мелочах, воровать – даже на пропитание, обязанность помогать каждому, кто только обратится ко мне с просьбой о помощи, – это, по-твоему, благо? Особенно учитывая мое нынешнее положение... – Он выразительным жестом одернул свою затрепанную до последней степени хламиду. – Хорош же я буду – паладин в отрепьях! Да я так с голоду помру. Причем в самое ближайшее время! Это, по-твоему, шанс? – От возмущения он даже позабыл о страхе.

– Продление срока жизни более чем в три раза, увеличение физических сил, ускорение заживления ран и абсолютное здоровье, значительное усиление колдовских способностей, – в том же тоне ответил ему я. – Да, это шанс! Вполне стоящий небольших ограничений, отнюдь не столь тяжелых, как ты думаешь. Теперь ты сможешь вернуть себе имя, даже не предпринимая никаких действий, – к тому времени, как внуки твоего обидчика умрут от старости, ты все еще будешь полон сил и жизни! – О том, что упомянутые подростком общеизвестные ограничения – и впрямь отнюдь не строгие и допускающие возможность обхода в случае острой

нужды – были отнюдь не единственными и далеко не главными *условиями* имперских паладинов, я решил пока не говорить. К чему лишний раз расстраивать человека? Впрочем, кажется, он пропустил мою речь мимо ушей, обратив внимание лишь на один небольшой момент.

– Колдовские способности?.. Ты сказал – увеличение колдовских способностей?

– Ну да, в том числе и их, – признаться, его интерес к этим моим словам, учитывая то, из какого рода он происходит, показался мне несколько странным.

– Но колдовства не существует! Это все бабкины сказки!

Признаться, я был ошарашен. Причем ошарашен куда сильнее, чем даже в тот момент, когда передо мной материализовался Его Сволочное Величество. Сейчас я великолепно понимал Второго императора, когда-то самолично прирезавшего моего так называемого предка. Представляю, как он в тот момент был счастлив! Увы, мне подобное удовольствие никак не светило. Хотя и хотелось. Очень!!! А чем, как не изощренным издевательством, могло быть заявление Дракона о том, что мое нынешнее паладинство, оказывается, способно усиливать некие несуществующие колдовские способности? Что, собственно, и подтвердил громкий смех, раздавшийся после моих слов.

Я человек спокойный и выдержанный. Сила воли и терпение у меня воистину железные. Будь это не так, я бы давно

лежал на фамильном кладбище и кормил собой могильных червей, не заставляя великого герцога Атари нервничать по поводу беглого наследника рода Сержак. Но у всякого терпения есть свои пределы. Император он или не император, но в морду я ему дать все же попытался.

Результат попытки был неутешителен. Новый приступ смеха у Дракона и расшибленная коленка, которой я здорово стукнулся о каменный пол, провалившись в момент удара сквозь тело этой призрачной сволочи.

– Извини... – сквозь смех пробормотал Дракон, явно изо всех сил сдерживая безумное ржание. – Я просто не могу... Нет, ну это же надо... последний из Сержаков рвется набить мне физиономию, пытаюсь доказать, что колдовства не существует... Скажи мне, если магии нет, то кто или что я такое? – Призрак демонстративно проплыл туда-сюда сквозь стену.

– Гад и сволочь особо крупного масштаба, – ни на миг не задержался я с ответом на поставленный вопрос.

Немного задумавшись, Дракон согласно кивнул:

– И это тоже. Но я имел в виду немного другие свои нынешние качества. – Он вновь проплыл сквозь стену. – Впрочем, не важно. Скажу лишь, что, похоже, в самое ближайшее время тебя ждет множество интереснейших открытий... ученик!

У меня воистину железные нервы. Когда Дракон произнес последнее слово, определившее мой статус, я не стал впа-

дать в истерику, не предпринял попытку самоубийства и даже не попытался вновь броситься на него с кулаками. Я всего лишь тихо-мирно упал в обморок. И пожалуй, это было самым лучшим, что я только мог сделать в сложившейся ситуации.

Глядя на лежащего перед ним подростка, призрак задумчиво почесал затылок, сдвинув надетый на нем боевой шлем практически до самых глаз. Чего-чего, а уж такой реакции от своего потомка он никак не ожидал.

– Что ж, – промолвил он, закончив свои размышления, – материал, конечно, так себе... но будем работать с тем, что есть. – С этими словами он сделал шаг вперед и попытался прикоснуться ладонью к груди юноши.

Короткий серебристый вихрь на мгновение возник точно над сердцем лежащей на грязном полу фигуры, и в следующее мгновение призрак исчез, словно затянутый внутрь тела какой-то необоримой силой. И лишь эхо, бродящее по залам давно опустевшего замка, долго носило отзвуки прозвучавшего из уст того, кого когда-то звали Лаорийским Драконом, грязного ругательства.

Интересно, чем этот фермер кормит своих куриц? Чистым хашшем, что ли? По крайней мере, нечто подобное со мной было только однажды, когда один из местных бандитов, отмечая удачный грабеж, забавы ради влил мне в глотку

почти стакан настоящей на хашше браги.

Впрочем, не похоже... По крайней мере, на райских птиц, которые мне тогда мерещились, Лаорийский Дракон совершенно не тянет. С другой стороны, и самочувствие, как ни странно, вполне приличное... Помнится, после того стакана я три дня оклемывался, чуть с голодухи не помер и все кусты возле своей хибарки загадил. Если бы не Талька, которая мне еду приносила, вряд ли бы выжил... А сейчас – жив, здоров, и даже ушибленная в видении нога совершенно не болит.

Я внимательно осмотрел левую ногу, колено которой здорово расшиб в своей галлюцинации во время нападения на призрак Первого императора. Отсутствие не только серьезной ссадины, но даже синяка полностью подтверждало мою теорию о странном сне.

– А может, здесь по ночам какие-то испарения нехорошие поднимаются? – сказал я вслух, просто для того, чтобы услышать звук своего голоса. Тишина полуразрушенного замка внезапно начала действовать мне на нервы. – Недаром же его забросили. И до сих пор люди не живут...

«...нимаются... имаются... маются... Бросили... осили... или... не даром... не живут...» – подхваченные гулким эхом слова как-то очень уж странно вернулись ко мне, заставляя немедленно заткнуться. Оно, конечно, ни колдовства, ни призраков не существует... но задерживаться в этом странном месте мне что-то совершенно не хотелось. Недаром сюда люди не ходят... И я тоже больше ходить не буду! Даже

если еще одну курицу украсть удастся! В конце концов, что я, себе другого укромного места не найду? И, не тратя лишнего времени, поспешил покинуть столь неудобное место.

Выйдя во двор, освещаемый лучами только взошедшего над горизонтом солнца, я облегченно вздохнул, пеняя себе на излишнюю мнительность и поспешность. Старые сандалии, слетевшие с ног в ходе моего несколько торопливого выхода из замка, заменить мне было решительно нечем, а значит, сейчас придется возвращаться назад и искать их по всему маршруту. Бросив короткий взгляд на поднимающееся над горизонтом солнце, лучи которого легко разгоняли все ночные страхи, я развернулся к темному пролому, из которого только что выбежал. Надо было спешить.

Лаора. Лаора великая, Лаора блистательная, Лаора великолепная... Так она звалась когда-то. Достойная и прекрасная столица великой империи. Но годы расцвета прошли давно.

Все так же рвались ввысь шпили дворцов и башен, все так же нависала над приближающимся путником невероятной высоты стена, сложенная из неподъемных каменных блоков, и сверкали купола храмов, служа маяком для подходящих к городу кораблей. Вот только подойдя поближе, можно было заметить и огромные трещины, пересекающие некогда нерушимую стену, потускневшую и облупившуюся облицовку дворцов, облезшую позолоту на куполах. С гибелью им-

перии зачахла и Лаора. Уже не столица, а вольный торговый город под управлением сената. Вольный – ибо никто из множества самопровозглашенных князей, герцогов и королей, взявших власть над расчлененным телом империи, так и не рискнул объявить себя владыкой Лаоры. Ибо владыкой Лаоры может быть император, и только он. Император Лаорийской империи. И тот из правителей, что осмелился бы взять власть над практически беззащитным городом, немедленно был бы атакован союзом всех остальных владык, отнюдь не заинтересованных в восстановлении империи.

Так и жила Лаора, постепенно беднеющая и вымирающая, гордящаяся тенью былого величия и упорно не замечающая нынешнюю нищету. Город прошлого, город, в котором тень былого имела бóльшую власть, чем нынешние владыки, город смерти и воспоминаний. И золотой императорский грифон, развевающийся над ратушей, выглядел злой насмешкой в городе, находящемся под управлением сената...

Выплеснутое из окна какого-то полуразвалившегося особняка ведро с помоями, расплескавшимися перед самым моим носом, весьма эффективно и вовремя оторвало меня от философских рассуждений о судьбах города. Вовремя – поскольку, занятый своими мыслями, я едва не проворонил идущего по улице громилу по кличке Клык, попадаться на глаза которому не имел ровным счетом никакого желания. Та еще сволочь. Так что, подавив острое желание как следует обматерить хозяйку, приложившую максимум стараний,

чтобы на мою одежду попало как можно больше вонючей жидкости, я нырнул в ближайшую подворотню.

Увы. Незамеченным мне остаться не удалось. Обрадованно взревев, Клык немедленно попер в мою сторону.

– Неженка! Какого... ты где-то шляешься... белобрысый? Хватай свои причиндалы в горсть и дуй к Рвачу – сегодня ночью Трехпалый напоролся! Рвач уже весь на дерьмо изошел: если ты Трехпалого не вытащишь, он тебя следом в Бездну направит! Я тебя с ночи разыскиваю..... ты...!!!

Мощная затрещина отправила меня в недолгий полет, прерванный бурной встречей со стеной близлежащего дома. Стена выдержала. Моя голова, как ни странно, тоже. Фактически удар даже не вышиб меня из сознания. Ослаб Клык, ослаб... Стареет, похоже... явно ведь бил, не сдерживаясь, вон какой злющий, а я даже сознания не потерял... Впрочем, демонстрировать свою стойкость я отнюдь не собирался, картинно сползая вниз по стене, оставив на ней кровавый след из разбитой головы. Шершавый старый кирпич, если к нему плотно прижаться, отлично сдирает кожу, а хорошая пакость этой скотине, раздающей удары вместо приветствия, стоила небольшой ссадины.

Интересно, что предпримет Рвач, когда Клык вместо единственного целителя банды принесет ему мою бессознательную тушку?

Да, да, да... именно целителя. А что поделать? Жить-то хочется! А для воровства у меня руки не тем концом встав-

лены. Спереть курицу у зазевавшегося фермера – вот мой предел. А что посерьезней – увы... Благо в образовании, которое я получил еще будучи де Сержаком, немалое внимание отводилось основам целительства, а также составлению лекарств, ядов и противоядий. Хотя обучение и не было завершено, полученных мной знаний оказалось достаточно для того, чтоб помочь мне выжить, оказавшись на улицах незнакомого города.

Тот объем знаний по лекарскому делу, алхимии и травничеству, который моя мать считала абсолютно обязательным к изучению, здесь, в предместьях Лаоры, был великой и сакральной тайной. Людей, способных составить настой для снятия лихорадки, излечения от головной боли или поноса, могущих зашить рану или вправить вывих, в трущобах было очень немного. Собственно, только я да бабка Клета. Но Клета – старуха лихая, бандитов недолюбливала, да и надавить на нее у Рвача возможности не было. Клан Либров, контролировавший почти четверть идущей через предместья контрабанды спиртного, славился своей резкостью и на попытку надавить на мать одного из своих патриархов отреагировал бы весьма быстро и жестко.

Рвач, при всем своем сволочизме, совсем дураком не был и расклад сил понимал неплохо, так что наехать на Клету даже не пытался. А вот у меня прикрытия или хоть какой-нибудь защиты не было.

Так я и получил предложение, от которого нельзя отка-

заться. Я лечу людей Рвача и тех, кого он скажет, – лечу быстро, качественно и бесплатно, а они меня не убивают и даже не калечат.

Впрочем, сейчас Клык, раздраженный необходимостью меня искать, забыл про эту договоренность, за что и поплатился. «Приходить в сознание» я отказывался категорично, несмотря на щедро отвешиваемые мне пинки и пощечины. Только пустил небольшую струйку крови изо рта, мягко намекая высланному за мной идиоту, что если он продолжит попытки моей «реанимации» посредством пинков, то банда может лишиться своего единственного целителя.

Кажется, до Клыка стали доходить все возможные последствия его несдержанности. По крайней мере, пинки прекратились, а в изрыгаемых им ругательствах стали проскальзывать панические ноты. Рвач *очень* не любил терять ценное имущество и людей, приносящих ему деньги. Я проходил по обеим статьям, и наказание виновнику моей смерти или даже более-менее долгого выхода из строя грозило очень серьезное. Скрытно прибить меня или просто оставить на месте, доложив, что отыскать меня не удалось, Клык тоже не мог. Та самая хозяйка, что совсем недавно вылила на меня ведро помоев, с большим интересом наблюдала за бесплатным представлением с небольшого балкона и, несомненно, с радостью сообщила бы Рвачу обо всех деталях происшествия. Да и других свидетелей хватало, так что о том, что Клык решится прибить меня по-тихому, я не волновался. Только не

сейчас, когда он становился последним человеком, что видел меня живым, и, значит, в любом случае должным держать ответ перед Рвачом. Собственно, будь это иначе, я бы не рискнул разыгрывать данное представление.

Наконец осознав, что ни удары, ни ругань при всем его желании не способны вернуть меня в дееспособное состояние, Клык, глубоко вздохнув и в очередной раз выругавшись, взвалил меня на плечи. Похоже, я сейчас действительно необходим, раз отличающийся крайней ленью головорез решил тащить меня столь немалое расстояние, чтобы хоть как-то выполнить распоряжение своего хозяина.

Отлично. Похоже, мне повезло. И с возможностью как следует подгадать Клыку, да и Трехпалый, может быть, без моей помощи наконец-то сдохнет. Причем я за его смерть отвечать не буду. Сам, все сам... А я лежу без сознания. Сила Клыка общеизвестна, собственно, только из-за нее этого идиота в банде и держат, так если я от его удара день-другой буду в полном ауте, никого не удивит. В конце концов, сам Рвач назвал меня Неженкой. Так что я просто соответствую своему новому имени.

Очень, очень хорошо, что этот придурок не смог себя сдержат при нашей встрече.

– Вот...

Мое тело довольно неаккуратно свалили на землю, отсвив прощального пинка. Я только слегка мотнул головой,

изображая случайное движение от падения, и выпустил новую порцию крови изо рта. Рубаха Клыка на данный момент вся была в кровавых потеках, так что даже самой умелой прачке вряд ли удастся ее полностью отстирать. Мелкая пакость, а приятно.

Прокушенная изнутри щека немного ныла – похоже, я слегка перестарался, обеспечивая себя необходимой для представления кровью, но в общем и целом настроение было великолепным. Редко когда мне выдавалась возможность безнаказанно подгадить этим тварям. И я этим шансом собирался воспользоваться на полную катушку.

– Это что? – В голосе Рвача проявилась опасная мягкость.

Пользуясь тем, что собеседникам сейчас явно не до меня, я рискнул чуть приоткрыть глаза. Как я и думал, мы находились в доме Рвача, в комнате, которую он сам называл «приемным залом». Множество обтянутых кожей кушеток вдоль стен, на которых сейчас маялись четверо «солдат» из бригады Трехпалого. Судя по их внешнему виду, они совсем недавно вышли из серьезной драки. Учитывая, что его бригада состояла из двенадцати человек, являясь основой боевых сил Рвача, а здесь и сейчас в относительно целом состоянии присутствовали лишь четверо, досталось им и впрямь неплохо.

Сам Рвач сидел за своим излюбленным столом мореного дуба – монументальным сооружением, поставленным в самом центре комнаты, и с недовольством глядел на сникшего

подчиненного.

– Ну я, это...

Клык мялся и жался, с откровенным страхом глядя на невысокого, седоватого и слегка склонного к полноте человека с самой добродушной улыбкой на чуть расплывшемся лице. Именно с такой улыбкой Рвач смотрел на братьев Грачей перед тем, как посадить их на колья из-за незамеченного ими патруля городской стражи во время грабежа портового склада. От патруля удалось отбиться, хотя и с немалыми потерями, а братья Грачи были по приказу Рвача «рассажены по жердочкам».

– Что ты «это»? – Рвач продолжал улыбаться. – Я приказал тебе привести Неженку, не так ли? Неженка мне нужен, чтобы вылечить Трехпалого. Ты это знал? А что принес ты? Мешок с дерьмом?

– Ну... это... Неженку... Он того... не был долго... Потом я его... поучил маленько... А он брык... и вот... того...

Рвач не любил матерщину, и лишенная привычных слов-связок речь Клыка оттого звучала крайне невнятно. Но основной смысл главе самой крупной банды предместий оказался вполне понятен.

– Значит, поучил, говоришь?

Рвач встал с места и направился ко мне. Я прикрыл глаза, старательно подражая неглубокому дыханию бессознательного человека, и выпустил изо рта очередную порцию крови.

Последовало долгое молчание. Но наконец Рвач завершил

свой осмотр, похоже, полностью поверив моему актерскому искусству.

– Поучил. Отлично. Молодец. Ну что ж, «учитель», – в голосе главаря явственно звучала злая насмешка, – раз Неженка после твоих «уроков» сейчас никого лечить не сможет – ему самому бы выжить, то Трехпалого и добычу будешь лечить ты. Вместо своего «ученика». И если кто-нибудь из них не выживет, ты отправишься в Бездну следом. – В голосе Рвача не было ни угрозы, ни злости. Он просто информировал своего сотрудника о последствиях недостаточного усердия.

«Есть!» Если бы не необходимость изображать почти бездыханное тело, я бы сплясал джигу от радости. Отмяукались, котята. Уж Клык-то налечит... Трехпалому не жить. Ну и Клык за ним следом отправится. Если Рвач обещал кого прибить, то свое слово держал самым неукоснительным образом. Все! Теперь меня хоть каленым железом жгите, а не «очнись», пока Клыку «степную улыбку» на горле ножом не рисуют!

– Ну что ж... Рябой, Беззубка, проводите «целителя-наставника» к пациентам, – вновь по-доброму улыбнулся Рвач, отчего предчувствующего свою участь Клыка ощутимо передернуло. – Да. И не вздумайте «развлекаться» с добычей. Она мне нужна живой! Слишком много ребят пришлось положить, чтоб захватить эту бешеную бабу! Если она сдохнет, то никто за нее нам платить не будет! Все ясно?

Пара «бойцов», поднявшихся со своих мест, устало кивнула и направилась к выходу, прихватив за локти ошарашенного Клыка.

Судя по небрежно намотанным бинтам и общей потрепанности бандитов, все, о чем они сейчас мечтали, были отдых и помощь лекаря, а никак не «развлечения», так что последнее предупреждение Рвача было явно излишним.

Не успела троица достичь дверей, как была остановлена очередным начальственным рыком:

– Стоять, ублюдки! Эту падаль, – он махнул рукой в мою сторону, – возьмите с собой. Где два пациента, там и три! А может, он еще оклемается, хоть подсказывать вам будет, что делать следует! Тебе, Клык, все ясно? Если хоть кто-то из этих троих сдохнет, ты отправишься следом. А чтобы ты не вздумал удрать, Рябой с Беззубкой за тобой присмотрят.

Быстро прикрыв глаза, я почувствовал, как меня подхватывают на руки и куда-то несут. М-да... Быть пациентом Клыка – не лучшая перспектива. Может, все же «очнуться»? Нет уж. Такой шанс – угробить сразу двоих гадов – упустить просто невозможно. Как-нибудь вытерплю все, что этот недоумок сможет придумать, пока Трехпалый не окочурится. Надеюсь, долго ждать этого счастливого мига он меня не заставит.

Лазарет. Громкое слово, обозначающее небольшую комнату на первом этаже дома Рвача с забранным частой решет-

кой окном и стоящими в беспорядке широкими деревянными нарами без матрасов. Будучи «штатным целителем» банды, бывать мне здесь доводилось частенько. Причем в роли как лекаря, так и пациента. Периодически, несмотря на все мои старания, кого-то из людей Рвача, получивших особо серьезную рану, мне спасти все же не удавалось. Тогда-то я и попадал сюда как пациент, на более или менее долгий срок, отлеживаясь и приходя в себя после очередного наказания.

Тащивший меня Беззубка на удивление осторожно уложил мое тело на стоящие под окном нары. Голова моя находилась в тени, так что я рискнул вновь чуть приоткрыть глаза и осмотреть обстановку.

Соседние нары занимал Трехпалый. Судя по его внешнему виду, жить этой скотине оставалось максимум сутки. И жизнь эта будет для него весьма нерадостна. Распоротый живот и выглядывающие из раны кишки намекали на это обстоятельство самым недвусмысленным образом. Приложи я даже все свои старания, спасти выпотрошенного, как праздничный кабанчик, бандита мне вряд ли бы удалось. Так что, глядя на него, я в очередной раз похвалил себя за отличную идею, позволившую мне не только избежать наказания за смерть пациента, но и крупно подставить Клыка. Затем мой взгляд скользнул дальше.

Перевязанная как тук, жестоко избитая девушка лет двадцати – двадцати трех. Черные волосы, рост чуть выше среднего, крепкие мышцы опытного бойца. Из серьезных ран –

распоротое бедро и глубокий разрез вдоль ребер. Повязки наложены кое-как, так что раны продолжают кровоточить. По крайней мере, это то, что я могу рассмотреть со своего места. При условии, что это все имеющиеся повреждения, и если бы я занялся ею в течение ближайших двух часов, вылечить девушку было бы несложно. Вот только делать этого я не буду. Не знаю, какие на нее у Рвача планы, но сомневаюсь, что ее они порадуют. Иногда лучше позволить пациенту умереть... Лучше для него самого. Особенно если пациент – молодая женщина, девушка или девочка. Эту истину за время своего общения с бандой Рвача я успел неплохо уяснить. Да и подставляться под наказание за смерть Трехпалого, спасая при этом Клыка, мне совершенно не хотелось. Так что – без сознания я, без сознания. Простите меня, леди, кем бы вы ни были...

Приняв такое решение, я совсем было собрался погрузиться в медитацию для наиболее достоверного изображения полутрупа – а что поделать, Трехпалый будет помирать еще часов шесть минимум. Просто так валяться все это время достаточно сложно, а в медитации время летит быстро и главное – сохраняется полная видимость бессознательного состояния. Но тут неожиданное происшествие заставило меня резко поменять свои планы.

Нет, ничего сверхъестественного. Просто избитая пленница немного не вовремя или, как раз наоборот, очень вовремя для нее очнулась. С тяжелым, каким-то утробным сто-

ном она дернулась от боли, ее голова немного повернулась так, что я увидел лицо жертвы. Обычное в общем-то лицо... высокие скулы, немного курносый нос, четкая линия бровей, чуть узковатые губы. Не красавица, но могла бы быть очень симпатичной, не будь она столь сильно избита. Но дело было не в этом.

Я знал это лицо. Точнее, я знал девочку, которая, доживи она до возраста пленницы, могла бы выглядеть точно так же. И позволить погибнуть той, что выглядела чуть повзрослевшей копией Тальки, я просто не мог. Точно так же, как не мог оставить ее в лапах Рвача и его поделщиков. А значит, план следовало менять. Менять немедленно, пока у меня были хоть какие-то шансы спасти эту незнакомую мне девушку. Я был обязан это сделать. Хотя бы в память о Тальке, спасти которую мне не удалось.

Талька. Талия дель Оромо. Дочь дворянина из какой-то далекой страны, в раннем детстве украденная работоторговцами, затем, как подросла, бежавшая от хозяина и прижившаяся здесь, в трущобах Лаоры. Подробно о своем прошлом, кроме этого короткого рассказа, здорово отдающего детской фантазией, она говорить не хотела, и я не расспрашивал ее, получая в ответ такую же деликатность.

Человек, встретивший меня, когда я без денег, надежд и желания жить пришел в этот город. Человек, выдернувший меня из моего горя, показавший, что жить можно и здесь.

Научивший не унывать и не сдаваться, обнаруживший среди той кучи лежащих в моей голове бесполезной грудой знаний, именуемых «классическим образованием», единственно полезные здесь жемчужины начатков целительства и помогший использовать их для моего выживания.

Она была старше меня на пару лет, так что сейчас ей исполнилось бы шестнадцать.

Талька погибла год и три месяца назад. Путь пошедшей за водой девочки пересекался с дорогой скучающих и жаждущих развлечения бойцов банды Холодного. Я узнал об этом слишком поздно, да и что бы я смог сделать?

Правильному бою меня обучить не успели: на тот момент, когда мое обучение прервали войска Атари, мечи и шпаги оставались все еще слишком тяжелыми для моей детской руки. А в бою на ножах любой из этих ублюдков значительно превосходил меня. Есть вещи, постоянная практика в которых значит намного больше, чем самое полное и качественное теоретическое образование. Впрочем, будь я тогда рядом, все эти соображения меня бы не остановили.

Когда я нашел ее, было уже слишком поздно и моих скромных познаний в целительстве оказалось недостаточно, чтобы спасти пятнадцатилетнюю девочку после развлечений двадцати ублюдков банды Холодного. Все, что я смог, – убрать боль и память. «Настой Забвения» позволил Тальке уйти без мучений. А Холодный на целых десять дней потеснил великого герцога Атари с первого места в моем списке

мести.

Пять дней я потратил на то, чтобы сварить «Поцелуй Хаоса». Мой дядя, обучавший меня алхимии, мог бы гордиться своим учеником. Яд был сварен идеально.

Еще три дня я искал способ проникнуть в винный погреб «Пьяного быка» – трактира, в котором Холодный со своими бойцами любил проводить свободное время. Ничего сложного – подавальщики там менялись достаточно часто, поскольку пьяные бандиты были весьма неумеренны в своих развлечениях. Потом я просто ждал и наблюдал.

«Поцелуй Хаоса». Порождение жестокой фантазии кого-то из моих предков. Прозрачно-розовая жидкость без вкуса и запаха. Противоядия есть... но они малоизвестны. Точнее, надеюсь, что и вовсе неизвестны за пределами нашего рода, от которого на данный момент остался только я.

В бреду, проклиная своих мучителей, Талька желала им быть разорванными на части, и я выполнил ее желание. «Поцелуй Хаоса» вызывает быстрый, очень быстрый рост костей тела, так что отравленные этим зельем буквально разрываются своим собственным скелетом. Долгая и очень мучительная смерть.

Холодный был живуч. Очень живуч. Он умирал почти трое суток, и к тому времени, когда вся его банда уже превратилась в куски окровавленного мяса с торчащими из них обломками костей, он все еще был жив и даже в сознании. Прокравшись в их логово, я сполна насладился зрелищем его

мучений и успел шепнуть ему имя той, в честь кого я забрал их жизни. Надеюсь, душа Тальки, где бы она ни была, сумеет достойно распорядиться доставшимися ей рабами.

Но вернуть мне подругу месть не могла. Вскоре на освобожденное Холодным место пришла банда Рвача, тем самым окончательно установив свое лидирующее положение в Нижнем городе. Меня в произошедшем, к счастью, никто не заподозрил. К тому же я распустил слухи, что так на бандитов подействовало предсмертное проклятие моей подруги.

Сомнений это не вызвало: ее крики и пожелания страшной кары насильникам слышали многие, а вид тел явно свидетельствовал в пользу моей версии. Жители трущоб очень суеверны, а людей, знающих, что такое «Поцелуй Хаоса» и как он действует, среди них не нашлось. Слухи оказались полезны и в другом. Жуткая смерть банды Холодного от проклятия их жертвы изрядно охладила горячие головы пришедших на их место бандитов, и число пропадающих без вести женщин резко упало. Если сбылись проклятия одной девочки, то всегда есть риск, что исполнятся проклятия и других, не так ли?

Вот только, несмотря на свершившееся отмщение, моя душа продолжала болеть. Она болела все это время, весь год и три месяца, что я прожил без моей подруги, без ее веселой улыбки и хитро прищуренных глаз. Эта рана не зарастала. И сейчас я просто не мог позволить этой незнакомке умереть. Незнакомке, так похожей на мою Тальку!

Принять решение об изменении уже сложившегося и осуществляемого плана действий несложно. Гораздо труднее придумать реалистичный план взамен отвергнутого.

«Метнуть скрытый на бедре нож в шею Клыку. Иглу рядом из духовой трубки – в Рябого. Ударом ребра ладони перебить трахею стоящему рядом Беззубке. Затем взять их оружие и зачистить весь особняк. Нападения изнутри, тем более от подростка, они не ожидают, так что будет несложно...»

Возникшие в голове мысли были настолько глупыми, настолько чуждыми мне, что я даже на мгновение растерялся. Нож – в шею Клыка? Та ржавая железяка, что я таскал под своими тряпками, и ножом-то может называться лишь с очень большой натяжкой, а уж метать ее... большей глупости и не вообразить.

Духовая трубка с отравленной стрелкой-иглой – это да. Ношу с собой небольшой сарбакан, на крайний случай. Яд медянки действует практически мгновенно, и эта небольшая трубочка уже не раз спасала мне жизнь. Ох и натерпелся я страху, когда встретился с этой небольшой, но смертельно опасной змейкой! Но оно того стоило. Однако сарбакан годится только против одного человека...

А уж о том, чтобы перебить шею Беззубки ударом ребра ладони... это такой идиотизм, что и говорить нечего. Уже больно неравны силы. Этот боров моего удара и не почув-

ствует, наверное, а вот мне одного его щелчка хватит, чтобы отправиться на прием к властителям Бездны. Интересно, эти глупости мне лезут в голову от удара или я и впрямь чем-то не тем в развалинах надыхался? Нет уж, я не имперский паладин, чтоб в три удара трех бандитов складывать. Будем действовать привычными, надежными методами.

Я громко застонал, выматерился и открыл глаза, словно приходя в себя.

– Эй, ты как? – почуявший шанс спасти свою шкуру, Клык немедленно подскочил ко мне, всем своим видом изображая заботливость и готовность помочь.

Я потер разбитый затылок, слез с нар и, затравленно озираясь, глядя со страхом на подошедшего бандита, начал отступать по заранее продуманной траектории, одновременно высказывая Клыку все, что я о нем думаю, от кого он происходит, каковы его любовные увлечения и предпочтения в еде, отдыхе и выпивке.

Уже на второй минуте моей речи Клык с совершенно озверевшим лицом попытался перевести беседу в драку, однако искренне заинтересовавшийся подробностями сексуальной жизни своего напарника Рябой немедленно заблокировал этот порыв.

Наконец я выдохся. Благо и момент для этого был самый подходящий. Я стоял ровно на том месте, где и должен был находиться для успеха задуманного мной представления.

Эх, как давно мне хотелось рассказать Клыку всю правду

о его родословной, и вот он, счастливый миг, когда я наконец-то смог это сделать без риска для собственного здоровья. Как же хорошо-то, а!

О! А это еще лучше! Беззубка, как же ты вовремя-то! И какой вопрос хороший! Просто грех не ответить!

– Неженка, а ом-осьминог пятипупырчатый, это штозь за тварина-то, а? – со своим вечным крайним акцентом невероятно вовремя для моего плана поинтересовался Беззубка, с искренним интересом разглядывая Клыка.

Взмахом руки подзвав крайнца поближе, я громким шепотом (так, чтобы все интересующиеся могли слышать) сообщил ему запрошенные сведения по биологии обитателей Злых Земель.

– От жеж... А как тады Клык-то с ним это? – Похоже, Беззубка то ли искренне поверил в мой рассказ, что, в общем-то, маловероятно, так как особой наивностью хитрющий крайнец никогда не отличался, либо по какой-то своей причине решил подыграть в моем представлении.

– Да это не Клык с ним, а он с Клыком... Ну, сам понимаешь...

Похоже, на этот раз я попал по действительно больному месту. Клык рванулся ко мне с особой яростью, совершенно забыв про обещанные ему Рвачом последствия гибели кого-либо из троицы «пациентов», в которую входил и я. И на этот раз Рябому не удалось удержать совершенно озверевшего от злобы бандита.

Дальше все было очень быстро. В самый последний момент я «от страха» падаю в ноги несущемуся на меня Клыку и, получив сильный удар по ребрам, откатываюсь к нарам, на которых лежит пленница. А споткнувшийся о мое тело Клык падает точно на забытого всеми Трехпалого, утыкаясь рожей прямо в распоротое брюхо бандита.

Длинный вопль невыносимой боли вылетает изо рта раненого, на котором в этот момент сосредоточивается все внимание присутствующих в «госпитале» людей. А в следующее мгновение небольшая отравленная игла, вылетевшая из моего сарбакана, прерывает мучения пострадавшего. Встает Клык уже с окончательно мертвого тела. Как я и рассчитывал, и сам выстрел, и вонзившаяся в подмышку раненого игла остались совершенно незамеченными всеми присутствующими.

Убрав свое оружие и изображая полное недоумение, я неловко поднимаюсь на ноги и осторожно интересуюсь у вытирающего кровь и дерьмо с рожки Клыка:

– Слушай, я, конечно, понимаю, что ты меня сильно не любишь... но Трехпалого-то ты зачем убил? Его подлечить маленько, и вполне мог бы еще Рвачу послужить...

– Я не виноват! Это все Неженка, сволочь! Это он все подстроил!

Отчаянные вопли Клыка, уволакиваемого сдвоенными усилиями Рябого и Беззубки, по мере отдаления от «лаза-

рета» звучали все тише и тише. Если же учесть, что дверь «лазарета» изначально отличалась немалой толщиной, чтобы вопли терзаемых мной раненых... то есть находящихся на излечении пациентов, не тревожили тонкий слух Рвача, то громкость глотки Клыка заслуживала немалого уважения.

Ему бы приказы на поле боя передавать, а не прохожих грабить! Ну ничего, все, отграбился, бандюга! Вот интересно: чистую правду ведь орет – да только кто ему поверит-то, а? Ведь Рябой с Беззубкой все «собственными глазами» видели... Так что участь клыкастенького – дело решенное.

Впрочем, долго наслаждаться падением врага я не стал. Времени у меня было не так чтобы много, а значит, надо действовать.

– Надеюсь, ты не испытываешь острого желания задержаться у нашего гостеприимного хозяина? – стоя спиной к девушке, поинтересовался я у пленницы. Хотя я и не люблю поворачиваться спиной к незнакомым людям, но на этот раз опасений не было. Уж кому и можно доверять в этом мире, так это надежно связанному человеку. Нож в спину не воткнет, это точно, при всем своем желании.

Спиной к ней я стоял не просто так, а по весьма важной причине. Нет, демонстрация доверия тут была вовсе ни при чем. Как уже сказал, до тех пор, пока эта незнакомка связана, я доверяю ей полностью и абсолютно. Просто я был занят очень важным делом. Тырил из госпитального шкафа наиболее полезные и просто самые дорогие зелья, эликсиры, на-

стои и прочие лекарства. Чем хорошо надетое на мне рванье, так это тем, что в этой мешанине тряпок может бесследно пропасть даже пара куриц, а не то что несколько небольших пузырьков с весьма редким и ценным содержимым.

Ответа на свой вопрос я так и не дождался. То ли пленница была возмущена допущенным мной отступлением от этикета (что, поразмыслив, я счел маловероятным: учитывая, в каком виде она пребывала, сомнительно, чтобы в последнее время ей доводилось так уж часто общаться по высоким правилам), то ли, что казалось куда более правдоподобным, она мне не доверяла, что в общем-то вполне логично, я-то, в отличие от нее, не связан, и решила повторить разыгранный мной трюк с потерей сознания. Сочтя этот вариант наиболее вероятным, я решил немного пояснить ситуацию:

– Не притворяйся, я знаю, что ты пришла в себя. Актриса из тебя плохая. Будет желание, могу как-нибудь поучить, как правильно изображать бессознательное тело. Времени мало, поэтому просто поверь – я не враг и хочу тебе помочь.

– Развяжи... – Голос девушки оказался несколько грубоват, однако сквозь хрип сорванного криком горла угадывались серебристые колокольчики, напомнившие мне голос моей подруги.

– Хорошо. – Я взял с полки последнюю пару пузырьков, после чего задумчивым взглядом окинул тело девушки, оценивая ее примерный вес. Килограммов шестьдесят¹... Я от-

¹ Меры веса, времени и расстояний приведены в привычной для земного чита-

лил около трети жидкости из зажатого в руке флакона. Доза была рассчитана на отличавшихся немалыми размерами и весом бандитов Рвача и для стройной девушки великовата. – Только чуть погодя...

Похоже, она как-то неправильно интерпретировала мой взгляд, так что стоило мне только подойти к ней и начать снимать куртку, чтобы осмотреть ее раны, как пленница вся сжалась от страха, постаравшись поплотнее сдвинуть и без того прочно связанные ноги.

– Успокойся. Я лекарь, а не насильник, – пояснил ей я свои действия.

Обнажив рану, я без предупреждения плеснул на нее кровевертки – это отличное кровоостанавливающее, противовоспалительное и обеззараживающее средство. Правда, имеет один серьезный недостаток. При нанесении на рану ощущения просто невероятно интенсивные. Полное впечатление, что умелый палач шевелит пострадавшее место раскаленной кочергой. Сам неоднократно испытывал, так что вполне представляю, что она в этот момент чувствовала.

Поэтому вставил деревянный кляп в рот пленницы именно в тот момент, когда она еще только распахивала его для длинного, переливчатого вопля. Лишний шум сейчас неже-

теля форме. На самом деле герой оценивал вес девушки в восемьдесят стоунов, но заботливый автор решил несколько облегчить чтение данных мемуаров для жителей Земли. P.S. Жителям Эльтиана вместо «шестьдесят килограммов» читать «сто десять арков». Жителям Кельдайна – «сорок оррив». – *Здесь и далее примеч. авт.*

лателен.

Быстро наложив на ребра повязку, стараясь не прикасаться к высокой груди пленницы, я прикрыл ее изодранной курткой и тем же способом обработал ногу. Снимать штаны я не стал, обойдясь вырезанной в них дырой на месте ранения, – незачем лишний раз нервировать несчастную.

Закончив перевязку, я дождался, когда у пленницы восстановится дыхание, и вытащил кляп.

– Сейчас я тебя развяжу. Надеюсь, ты не станешь делать глупости. – Глядя в ее округлившиеся то ли от боли, то ли от испытываемых эмоций глаза, я на всякий случай пояснил более подробно: – Глупости – это попытка напасть на меня и любые действия или звуки, которые привлекут к нам ненужное внимание. Это ясно?

Девушка кивнула. Все еще испытывая некоторые сомнения, я освободил ее от веревок. Увы. Как бы стройна она ни была, но нести ее на руках мне не под силу. Так или иначе, но сбегать ей придется на своих ногах.

Сев на нарах, она немедленно натянула куртку и принялась разминать конечности, старательно отводя от меня взгляд и пытаясь прикрыть локтем наиболее крупные прорехи в своем одеянии. Такое ее поведение на мгновение поставило меня в тупик. Что это с ней? Я, конечно, не ожидал немедленных благодарностей, но хоть представиться и поинтересоваться дальнейшим планом действий было бы разумно!

«Она стесняется, дубина! Отвернись и дай ей привести себя в порядок», – опять какая-то «не моя» мысль мелькнула в голове. Однозначно, когда выдастся немного больше времени, надо будет как следует помедитировать, чтобы разобраться, что за глупости лезут в голову. Я вроде уже говорил, что мой принцип – поворачиваться спиной к людям можно, только если они мертвы или надежно связаны. И никак иначе! Принцип очень полезный – если, конечно, хочешь жить долго, а не умереть с ножом под лопаткой.

– Идти можешь?

В принципе, ответ я знал. Учитывая ее ранения, общую избитость и то, как она была связана, ей сейчас и шевелиться-то затруднительно. Однако спросить было необходимо. Просто для того, чтобы она могла сама оценить свое состояние и попросить помощи. Иначе придется затратить слишком много времени на уговоры и доказательства необходимости приема той гадости, что я для нее приготовил. Эликсир стосила – та еще мерзость. Но именно сейчас его использование может здорово помочь.

Хм... а силы воли ей не занимать, однако... Попытка слезть с нар была почти удачной. Вовремя подставленным плечом я удержал свою пациентку от падения, а воткнутым в рот кляпом – от крика.

– И не надо на меня так сердито смотреть. Я же предупреждал – воздерживаться от глупостей! – пояснил свои действия. – И орать не надо, а то еще подумают, что я тебя тут

насилую, и набегут с советами и помощью!

Кажется, моя попытка разрядить обстановку с помощью небольшой шутки была не совсем удачна. По крайней мере, если судить по полному злости взгляду и невнятному, но явно недоброму бурчанию из-под кляпа.

– Выпей. – Освободив ей рот, я быстро влил в него содержимое зажатого в руке фиала и немедленно вернул кляп на его привычное место. Как я уже говорил, стосил отличается просто невероятно мерзким вкусом, а заткнуть жертв... то есть пациенту рот – куда проще, чем долго и нудно убеждать его в необходимости все же выпить эту гадость.

Жертв... в смысле пациентка вначале покраснела. Потом выпучила глаза и сделала рефлекторное хватательное движение рукой, словно собираясь меня придушить. Затем все тонкие оттенки вкуса давно сдохшей и успевшей уже наполовину разложиться жабы, видимо, дошли до сознания, вызвав целую гамму переливов ее лица: начиная с мертвенно-бледного, пройдя через желто-зеленое и заканчивая яростно-алым, когда она заметила, что, отойдя на безопасное расстояние, я с интересом изучаю вид ее молочных желез, хорошо заметных благодаря распахнувшейся от резких движений куртке. И чего она стесняется? Формы хорошие, размеры вполне достойные... Так я ей и сказал, доведя цвет ее лица до свекольно-красного оттенка.

Вырвав кляп и быстрым движением запахнув куртку, она тигрицей бросилась в мою сторону, совершенно забыв о

собственных ранениях.

– Отлично! Стосил на вкус хоть и мерзость невероятная, но в данной ситуации очень полезен. Ну а сильные чувства, испытываемые пациентом во время приема, еще больше усиливают его воздействие. Теперь главное – не терять времени. У нас есть около трех-четырех часов, пока эликсир действует, чтобы покинуть это место и город. Потом ты свалишься как минимум на сутки, – не без труда увернувшись от этого ее броска, выдал я необходимые пояснения своих действий.

– Так это ты меня лечил, что ли? – Только сейчас до нее дошла вся подоплека моих действий. – Я думала... – Она вновь покраснела.

– Ну... Одно другому не мешает. Тем более что грудь у тебя и правда красивая, – усмехнулся я, и, не давая ей времени для нового приступа скромности, продолжил: – Сейчас действуем так...

Лежа на куче сена, Лаура дель Оромо любовалась на видневшиеся в проломе кровли звезды, вдыхала приятный запах, идущий от ее подстилки, и вспоминала о всех перипетиях сегодняшнего дня. Утром – благородная дворянка, названная² графиня де Стор, личный порученец и секретный

² **Названный титул** – тот, который не получен в наследство от благородных предков, а заслужен самим носителем титула. Титул «первого поколения». Может совмещаться с иными титулами, в этом случае упоминается после унаследованного титула. Например, если некий урожденный барон дю Валон получит от императора, короля или великого князя в награду за беспримерную отвагу на

посол княгини Реиса, направленная с тайной миссией к сенату Лаоры. Днем – пленница главы местных бандитов, с весьма незавидной участью и перспективой.

Сейчас был вечер, и кто она теперь, Лаура просто не знала. Беглянка и преступница, разыскиваемая как стражей Верхнего города, так и бандитами Нижнего, награда за чью голову на данный момент составляет пятьсот золотых? Должница странного подростка, обязанная своему спасителю по гроб жизни, несмотря на всю его наглость и бесцеремонность?

Кстати, хорошая тема для обдумывания, раз уж сейчас она ничем иным, кроме как валянием на духовитой соломе, любованием звездами и размышлениями о случившемся, заниматься просто не может.

Чем бы ни был тот эликсир с мерзким вкусом, которым напоил ее представившийся Неженкой спаситель, действовал он в точности так, как и сказал малолетний целитель. Целых четыре часа она находилась на пике формы, словно и не было невероятно болезненных ран, множества ушибов и прочих повреждений. Но зато и откат... Сейчас Лаура ощущала себя просто растекшимся по соломе студнем, которому противна малейшая мысль о возможности пошевелиться.

Интересно, откуда у него этот эликсир? Тайны составле-

поле боя графство Пьерфон, то он будет бароном дю Валон, названным графом де Пьерфон. А вот его сын, вступая в наследование, будет уже графом де Пьерфон, бароном дю Валон. Данное правило не распространяется на владения и титулы, полученные в результате брака.

ния таких снадобий являются тщательно оберегаемыми секретами старых родов, включаясь в часть широко прославленного «классического образования». Хорошо бы как-нибудь выкупить у него рецепт... Даже княгиня, которой служила Лаура, не имела ничего подобного. Впрочем, и неудивительно. Род Реис, при всех его знатности и могуществе, возвысился и получил княжеское достоинство во времена поздней империи и не имел отношения к Древним родам. Что уж говорить о самой Лауре, чей прадед просто купил себе дворянское достоинство у деда нынешней княгини уже после распада империи.

Знания. Не деньги, не владения и знатность происхождения – хотя всего этого хватало в избытке, а именно знания – вот что составляло основу могущества Древних родов. Классическое образование. Откуда пошло это название – никому не известно, ведь у каждого рода была своя программа обучения, свои секреты. Наиболее важные из них – такие, как тайны лекарств и ядов, боевые приемы и, говорят, даже колдовские знания – передавались только и исключительно кровным родичам.

Элита элит, могущественные и спесивые Древние рода сохраняли свое положение именно благодаря передававшимся из поколения в поколение, тщательно лелеемым и развиваемым знаниям. Секретам, доступ к которым не имел никто, кроме них самих. Рецептам и навыкам, которые могли быть переданы только добровольно, тем, кто входил в род по пра-

ву рождения, усыновления или женитьбы, и которые нельзя было получить ни силой, ни пытками, ни шантажом, ни обманом.

Попытки выведать тайны Древних родов предпринимались, и неоднократно. Вот только заканчивались они в подавляющем большинстве случаев одинаково. Тот или та из Древних родов, кого склоняли к не одобренной патриархом рода передаче знаний, просто забывал все, что было ему известно из родовых рецептов, прежде чем раскрыть их постороннему человеку. Не помогали ни пытки, ни обман.

Фиктивная свадьба, ложное усыновление, пусть и проведенное по всем обрядам... Несколько раз ловкие шпионки ухитрялись даже влюбить в себя молодых наследников родов, втереться в доверие семье и выйти замуж. Но после свадьбы почти всегда были разоблачены, скорее всего, именно из-за нападавшей на них и их избранников забывчивости. Те же, кто избегал разоблачения, немедленно расторгали все предыдущие договоренности со своими хозяевами и нанимателями, становясь истинными женами Древних родов и искренне блюдя интересы своей новой семьи.

Лаура вздохнула. Древние роды – немногочисленные, наглые, высокомерные зазнайки, скрывающие рецепты и знания, которые позволили бы спасти множество жизней, были ее большой темой. Сколько сил, средств, времени и даже жизней преданных и надежных людей было потрачено в бесплодных попытках добыть для княжества хоть часть этих

столь тщательно оберегаемых тайн! Вот и сейчас...

Неженка, конечно, предупреждал, что одним из последствий приема эликсира будут некоторые проблемы с мыслительной деятельностью. Но это так раздражает!

Стоило чуть зазеваться, и мысли норовят соскользнуть на привычную колею, решая застарелую проблему. Будто у нее собственных забот мало! Хотя, конечно, интересно, откуда у парня этот рецепт. Однако задача-то вовсе не в этом. Сейчас ей необходимо как можно скорее понять, что за человек ее спаситель, каковы его цели и намерения и что ей сейчас делать!

Она прикрыла глаза, сосредоточиваясь по одной весьма малоизвестной методике и досконально вспоминая все обстоятельства их бегства из особняка местного «ночного князя».

Главная и наиболее серьезная проблема любой банды – отсутствие строгой дисциплины. В каком бы железном кулаке ни держал главарь своих подчиненных, как бы жестоко ни наказывал за нарушение приказов – сбежать из охраняемого бандитами помещения всегда будет намного легче и проще, чем из самой захудалой тюрьмы, охраняемой даже самыми ленивыми и глупыми стражниками.

Хотя бы даже потому, что любой стражник, даже самого низшего разряда, просто обязан знать наизусть устав караульной службы. Любой же вор и бандит сочтет невероят-

ным оскорблением требование соблюдать подобные правила, грозящие полной утратой благосклонности воровского бога Рхаша. Те же из воров, от которых отвернулся бог лихой удачи, вскоре, как правило, сводят чересчур близкое знакомство с девой Виселицей, примеряя в качестве свадебного наряда конопляный галстук.

Кое-какими теоретическими знаниями о том, как покидать всякие неуютные помещения, недостойные принимать столь высоких гостей, как наследник рода Сержак, я обладал. Если же учесть имевшиеся у меня сведения по внутренней планировке этого неприметного особняка, о чем Рвач и не подозревал, а также то, что все местные обитатели считали меня своим, то дело становилось и вовсе элементарным.

Просто вывести пленницу я, конечно, не мог. Без отдельного приказа Рвача меня и самого отсюда не выпустят. Но просто уходить я и не собирался. Все равно после того, как мы уйдем отсюда, я стану законной целью для охоты всех бандитов Лаоры. Так пусть хоть у них будет для этого достаточно веская причина! Да и неразбериху и замешательство в стан врага внести всегда полезно...

– Ты это куда? – только и поинтересовался стоящий у входа в кабинет «ночного князя» Колено. Не самый плохой человек из банды, его мне даже было немного жаль. После осуществления моей задумки на его лысину, из-за которой он и получил свое прозвище, обрушится немало неприятностей. Если он вообще переживет это событие...

– К Рвачу, – ответил я чистую правду. – Он приказал вылечить пленницу и немедленно доставить ее к нему. Вот, полюбуйся. Я махнул рукой на понурившуюся девушку со связанными за спиной руками, стоящую рядом со мной.

– Мне он ничего не говорил... – Колено задумчиво почесал лысину. – И вообще, велел... – Договорить он не успел.

Извини, приятель, но слишком уж ограничено у меня время. Зато проблемы с начальством тебе теперь уж точно не грозят...

Перезарядив сарбакан и пристроив тело так, чтобы на беглый взгляд казалось, будто Колено просто задремал на посту, я осторожно приоткрыл дверь.

Знаете, никогда не понимал этого обычая – вначале окликнуть того, кого собираешься убить, побеседовать с ним, рассказать ему, какой он нехороший, а потом вступить в честный бой. Ведь если бой честный, то его можно и проиграть!

Поэтому дверь я открывал как можно тише и осторожнее, и, едва заметив склонившегося над столом и пока не замечающего меня Рвача, немедленно всадил отравленную иглу в его макушку. Признаться, сегодняшней перерасход стрелок уже начинал меня тревожить. Надеюсь, больше нежеланных встреч не будет... Я перезарядил так удачно поработавшее оружие последней иглой из имевшихся при себе.

Их, между прочим, не так-то просто делать, да и яда медянки у меня осталась буквально капля...

– Пойдем. – Я слегка подтолкнул замершую рядом с телом Колена девушку ко входу в кабинет. – Да, можешь снять веревки и возьми какое-нибудь оружие. Ты с мечом как?

Сняв короткий клинок с пояса мертвого телохранителя Рвача, я переброшил его ей. Автоматически поймав оружие, она вытащила его из ножен, слегка поморщилась, оценивая качество клинка, но все же пристроила его на талии.

– Скорей! У нас мало времени! – вновь поторопил я ее.

Зайдя в кабинет и закрыв дверь на засов, я позволил себе облегченно вздохнуть. Дверь в кабинет уже бывшего «ночного князя» была достаточно прочна, а значит, сейчас у нас в любом случае имелись некоторый запас времени и относительная безопасность.

– Я обыскиваю тело, ты ищешь деньги и ценности в кабинете, – распределил я обязанности.

Девушка молча кивнула, признавая за мной право на командование, и без тени сомнений начала обшаривать ящики стола. Гм... Однако надо хоть спросить, как ее называть, а то в процессе спешного бегства даже имени узнать не удалось. Все «пленница» да «девушка»... У нее-то, в отличие от меня, имя наверняка имеется.

Глядя, как быстро и ловко она обшаривает комнату, не обходя ни малейшего укрытия и практически мгновенно вскрывая тайники, о наличии которых, признаться, я даже не подозревал, почувствовал, что начинаю ее уважать. Мало того что держится исключительно достойно, совершен-

но не мешая моим действиям, так и помощь оказала весьма существенную. А главное, молчит, не пытаюсь командовать, и немедленно выполняет все мои требования. Просто чудо какое-то, а не девушка. Интересно, где такие обитают? Надо будет, как выберемся, расспросить ее поподробней.

– Время! – закончив с обыском Рвача, остановил ее я. За те пять минут, что я обшаривал этого жирного борова, она успела обыскать стол, бюро и половину секретера, вскрыв по ходу обыска пару тайников – один с крупной суммой золота, другой – с какими-то бумагами, немедленно спрятанными ею под одежду. – Больше нам здесь задерживаться нельзя!

– Еще пару минут! Как же эта сволочь открывается?! Да чтоб тебя Темная Леди трахнула! – зло выругавшись, бывшая пленница нанесла быстрый удар сложенными в «клюв ворона» пальцами по какой-то неприметной доске в глубине секретера. Раздался сухой треск, и из образовавшейся дыры в прочной доске из полированного ореха примерно сантиметровой толщины был извлечен небольшой сафьяновый мешочек, примерно на треть заполненный драгоценными камнями. Надо запомнить: не злить ее, находясь на расстоянии удара!

– Вот теперь – все, – кивнула она.

– Отлично.

Я прикоснулся к массивной опоре светильника, активируя дверь потайного хода. Именно активируя. Для своего дома Рвач где-то раздобыл запорную систему от лабораторий рода

Алгья. Собственно, далеко не самое глупое решение, вон с каким удивлением смотрит на протаявшую в стене дыру эта специалистка по обыскам. Она-то этого прохода даже не заметила.

Собственно, и неудивительно. Алгья были специалистами по такого рода штукам. В работе с пространством им равных не было. Так что все правильно. И безопасность от убийц – нет нужды беспокоиться, что кто-то может влезть через тайный ход, и в то же время – в случае чего путь отступления имеется. Ну не мог же Рвач ожидать, что в его святая святых побывает наследник Древнейшего рода, достаточно неплохо разбирающийся в Старых рунах? Сюрприз, однако!

– Пойдем. – Я первым шагнул в темную пустоту. – Да, кстати, а как тебя зовут?

– Лаура дель Оромо, – откликнулась она, не без некоторого, впрочем, едва заметного колебания, шагая вслед за мной. – А тебя?

– Можешь звать меня Неженкой, – нехотя откликнулся я, бросая последний взгляд на лежащее на полу тело Рвача и закрывая проход.

Любопытно, кстати. Если припомнить Холодного... Тогда, к сожалению, вволю пограбить мне так и не удалось. Не то было время, не та обстановка, да и я был не тот. Год одинокой жизни научил меня многому...

Но тем не менее получается, я уже второго «ночного князя» в Бездну отправил! Неплохое достижение в моем воз-

расте. И опять из-за женщины... Кстати, интересно, уж не родственница ли Лаура моей Тальке? Вроде фамилия такая же... да и внешнее сходство в этом случае становится легко объяснимым. Похоже, «ночным князьям» Лаоры явно противопоказано обижать девушек этого рода. Ну ничем хорошим это для них не заканчивается!

Когда мы выбрались из особняка, передо мной встала очередная проблема. За три оставшихся часа было необходимо найти хоть какое-нибудь более-менее надежное убежище. Затем – в порядке важности – добыть еды и определиться с планами на будущее. Виновного в смерти Рвача вычислят достаточно быстро. О захваченной пленнице знали многие. О моем присутствии тоже. Сложить два и два – мое отсутствие в особняке, бегство ценной добычи и мертвые тела Рвача и Колена – труда не составит даже последнему идиоту. А значит, нас будут искать. Причем не только «ночные граждане», но и стража. В конце концов, это для жителей предместий Рвач был «ночным князем», главарем самой крупной и сильной банды города, а для стражи он являлся законопослушным богатым торговцем, чья жизнь подлежала охране, а смерть – расследованию и наказанию виновных. По крайней мере, это был самый минимум, который они обязаны обеспечить за те регулярные «взносы», которые Рвач делал их начальству.

Конечно, слова «обязаны» и «сделают» отнюдь не тожде-

ственны. Но рисковать мне как-то не хотелось. Жизнь у меня одна, ее беречь надо...

Собственно, выбор убежища был невелик. Моя хибарка и древний замок. Тот самый, с вредными испарениями. А потому колебался я недолго. Вредные испарения вызывают галлюцинации. А вот нож в спине или веревка на шее вызывают смерть. Выбор очевиден. Уж лучше я вновь с древним императором пообщаюсь, чем с Темной Леди.

А учитывая награбленные мной в кабинете Рвача богатства... Нет, большую их часть мне, конечно, придется засунуть туда же, куда я складировал аналогичную добычу с Холодного. Но вот деньги... Деньги не пахнут. И если действовать осторожно... В конце концов, не пора ли столь засветившемуся Неженке из трущоб исчезнуть? Интересно, может ли моя спасенная чем-то помочь мне в решении этой проблемы?

Впрочем, все это потом. Завтра. А сейчас – спать.

Закончив просмотр воспоминаний, Лаура обессиленно откинулась на солому. Голова невыносимо болела – видимо, сочетание действия эликсира с активной медитацией далеко не самым положительным образом влияло на здоровье. К тому же невыносимо тянуло в сон, но спать было еще рано. Как учил ее де Бейль, сейчас следовало оценить увиденное, проанализировать все произошедшее, включая самые мало-заметные вещи, вроде выражения лица, и сделать выводы.

А выводы были неоднозначны. Во-первых, похоже, прием эликсира, данного ей Неженкой, существенно ослаблял возможности мышления. Ничем иным свое поведение Лаура объяснить не могла. Уж расспросить своего неожиданного спасителя как следует она была просто обязана. Да и кое-какие коррективы в их действия внести следовало однозначно. Заметно, что ее спаситель не очень-то много знал о правильных действиях в такого рода передрыгах. Он даже не подумал хоть как-то замаскировать убийство: например, представив все произошедшее как результат нападения наемного ассасина...

У самой Лауры в данном вопросе кое-какие навыки имелись, и сейчас она однозначно видела куда более эффективные и безопасные варианты действий. Но в тот момент, по неизвестной причине, она могла лишь молчать и повиноваться. И это ей категорично не нравилось.

Впрочем, тщательный анализ всего произошедшего показывал, что, как ни странно, Неженка был вполне искренен в своем желании ее спасти. Все произошедшее вовсе не было подстроено каким-либо из боярских кланов и не являлось сложной интригой местных родов. Вот только причина, по которой этот странный подросток, бывший, похоже, кем-то вроде лекаря в захватившей ее банде грабителей, решил помочь ей, предав своих прежних покровителей, так и оставалась загадкой.

Впрочем, загадкой были и сами причины его нахождения

среди разбойников. Даже тех двух эликсиров, действие которых Лаура испытала на себе, уже было вполне достаточно, чтобы сделать его весьма и весьма обеспеченным человеком. Предложи кто купить такие рецепты в Реисе – и тех денег, что заплатила бы княжна, вполне хватило бы, чтобы сделать весьма богатым и ни в чем не нуждающимся человеком не только продавца, но и его детей... да и внуки бы не бедствовали. И вряд ли здесь, в Лаоре, правители и купцы настолько отличаются от реисских и не понимают, какие выгоды могут принести подобные средства. К тому же очень похоже, что эта пара рецептов далеко не все, что известно Неженке. Так почему же он встретился ей в оборванных лохмотьях и у бандитов, а не в дорогой мантии почтенного алхимика и докторуса знаменитого Лаорийского университета?

Это тоже было загадкой. А загадки Лаура искренне ненавидела. Слишком дорого различные тайны и загадки обходились ей и ее людям.

Сама она как человек была вполне готова довериться тому, кто спас ей жизнь. Анализ мимики и эмоций Неженки, проведенный во время медитации, подтверждал его искренность. По какой-то причине он, едва увидев, счел ее важной для себя. Почему, отчего – это нуждалось в уточнении. Он не был влюблен, хотя и находил ее достаточно привлекательной. Но спасал он ее вовсе не поэтому. Впрочем, пока для оценки слишком мало данных.

Вообще, вопрос доверия стоял для Лауры особенно остро.

У княгини были агенты в городе, и кое о ком Лаура знала. Но могла ли она доверить их Неженке? И могла ли доверять им сама? Ведь кто-то же выдал маршрут ее отряда банде Рвача... В случайность нападения Лаура не верила. Случайно на послов не нападают. Даже тайных послов. Тем более сопровождало ее вполне немалое количество людей, знавших, с какой стороны братья за меч, а денег было не так уж много. Далекое не самая привлекательная цель для бандитов, если, конечно, им кто-то не заплатил. Но вот кто и зачем?

Вопросы, вопросы... Ответов нет. Рядом лежит, распростершись на такой же, как у нее, соломенной подстилке, спаситель, тихо постанывая во сне. Похоже, что бы ему ни снилось, это отнюдь не самые приятные видения. Пора спать и ей. Все равно, сколько ни крути в голове произошедшее, ответов не прибавится. Надо ждать, смотреть и оценивать. Пока лучшим вариантом будет просто плыть по течению – похоже, этот парень знает, что делает. По крайней мере, пока она не найдет способ вычислить предателя среди агентов и не придумает, как исполнить свою задачу в новых обстоятельствах.

Глава 2

Видения древнего замка

ИНТЕРЛЮДИЯ

Лысый заходит в парикмахерскую и говорит, тыча в роскошную шевелюру парикмахера:

– Вот штука баксов и чтобы у меня прическа была, как у тебя! Понял?

Парикмахер с сомнением смотрит на себя в зеркало, потом на сверкающую лысину клиента, потом на деньги, снова на себя... Наконец вздыхает:

– А-а-а, была не была! – и начинает брить себя налысо.

– Что скажете? – Всевластный поднял руку, акцентируя внимание собравшихся на вставшей перед ними проблеме. У него не было постоянного облика, поэтому здесь и сейчас, среди родичей и подчиненных, он выглядел просто как туманная фигура, внушающая благоговение любому, кто на нее посмотрит. Имени у него тоже не было – точнее, их было слишком много. Так много, что все свои имена он не помнил и сам.

– Воин? – Величественная фигура повернулась к закован-

ному в полный латный доспех мужчине по правую руку.

– Паладин? – На лице Воина было написано явное отвращение. – *Это* – паладин? Ложь, трусость и подлость. Удары в спину, втирание в доверие... Я отказываюсь!

– Но это наш шанс. Единственный посвященный за столь долгое время. Кровь, знания, душа, силы... Осталось только дать покровительство.

– Все равно. Нет, нет и нет! Ни за что!

– Понятно. – Туманная фигура отвернулась от Воина, сморщив взглядом оставшихся. Взмах рукой, направленный на следующую фигуру.

– Целительница?

– Корысть, неоднократное убийство пациентов, яды... У него, конечно, есть некоторые принципы... Да и лечит он неплохо... Но знаете, я тоже пас... – Невероятно красивая, какими никогда не бывают смертные женщины, блондинка с яркими глазами сделала отстраняющий жест рукой. – Он слишком жесток для меня.

– Он посвящен! – громыхнул голос предводителя.

– Слишком подл.

– Слишком осторожен.

– Он не верит в нас!

– Ни за что!

– Мне и без паладинов неплохо!

– А я вообще покровитель воров. Вот когда он сможет украсть что-нибудь серьезнее курицы...

– Ну а я, пожалуй, не откажусь... – Голос выступившей из сгустившихся теней стройной брюнетки в черных одеждах и с глубокими, словно наполненными всей тенью мира глазами, был тих. Скорее даже шепот, чем голос. Но тем не менее этот тихий шепот был слышен всем и каждому из присутствующих, как будто произнесенные ею слова нашептывались прямо в ухо.

Среди собравшихся возникло быстрое движение. Большая часть оказавшихся рядом с женщиной стремились отдалиться от нее, будто само пребывание рядом с ней внушало им неизъяснимое отвращение.

Названная Целительницей вообще немедленно юркнула за спину Воина, тщательно следя за тем, чтобы его бронированное тело находилось точно между ней и вновь прибывшей. Приосанившийся боец прикрыл ее слегка отставленным в сторону массивным щитом, материализовавшимся на левой руке, и картинно возложил правую на рукоять висевшего на поясе меча.

– Что тебе надо, Проклятая? – Всевластный сердито нахмурился.

– Ничего особенного... – Брюнетка весело улыбнулась. – Так, мелочь, не стоящая вашего внимания и вам совершенно не нужная. Паладин. Тот самый, от которого вы все отказались.

– Что? – Туман, составляющий фигуру сидящего на троне, буквально вскипел. – Да как ты смеешь?!

– Да вот так... – Ничуть не уstraшившись, дама пожала плечами. – Вы все от него отказались. А значит, я имею право.

– Мы не...

– Отказались, отказались. Все и каждый. А многие и не по разу. Так что, я могу уже посвящать своего паладина?

Всевластный обвел строгим взглядом своих оплошавших соратников, смущенно мнущихся и отводящих глаза. Светлейшие боги, опасавшиеся, как бы им не навязали нежеланного последователя, и стремившиеся как можно скорее официально от него отказаться, и впрямь допустили большую промашку. Каждый из них спешил отречься сам и за себя, рассчитывая, что такой «чемодан без ручки», которым являлся новопосвященный паладин империи, достанется кому-нибудь другому.

Вот только в результате отреклись от него они *все*... А значит, право взять себе паладина они потеряли. А та, что приобрела это право... Давать ей такое могущественное орудие влияния на мир, как посвященный ею паладин, не хотелось. Не хотелось просто отчаянно! Мало ли как она им распорядится...

– Ты пришла слишком рано! – решительно встал с трона Всевластный. – У тебя нет прав на этого паладина!

– Да? – ехидно улыбнулась брюнетка. – И кто же из здесь присутствующих, кроме меня, от него еще не отрекся? Покажите мне его, о Величайший!

– Смотри, – просто ответила туманная фигура, сходя с трона и облекаясь плотью, представляя в виде могучего старца с длинной белой бородой и горящими глазами. – Я не проносил слов отречения. Я беру этого паладина себе!

– А захочет ли он идти к тебе? Что ты на это скажешь? – Прекрасная и одновременно внушающая нестерпимый ужас женщина обернулась, и ее глаза, похожие на черные провалы, внезапно встретились со мной взглядом. Это было похоже на удар.

– Чего хочешь ты сам, последний Сержак? Чего *ты* желаешь? – вновь спросила она, расплываясь пятном тьмы...

– Проснись! Неженка, проснись скорее! – Голос Лауры вырвал меня из навеянных отравленными испарениями видений.

ТЬфу! Ну и приснится же такое! Накаркал ведь! Как есть накаркал. Вот не хотелось мне общаться с Темной Леди... Таки нате вам – получите и распишитесь. Еще и Величайший... И главное, всех так интересуется, что мне надо... Что императора, что Темную... А как скажешь, что надо, так сразу «нет у нас такого», «просишь не то»!..

Курочку я желаю. Ку-роч-ку! В чесночно-сметанном соусе, жирную, с хрустящей корочкой! Ну как, не слабо Первому императору, вкупе с самой Темной Леди, меня курочкой угостить?

Стоило только представить себе *ее* – истекающую жиром,

с румяными боками и поджаристой корочкой, как рот немедленно наполнился слюной. Я даже рефлекторно потянул носом, в надежде уловить желанный запах. Но увы. Ни Первый император, ни Темная Леди мои скромные мечтания исполнять отнюдь не спешили, так что единственным учуянным мной запахом была вонь мышинового дерьма. Уж чего-чего, а мышей и крыс в этих развалинах было более чем достаточно. А куриц – как не было, так и нет.

– Неженка?.. – Голос Лауры был полон тревоги.

– Проснулся я, проснулся... Кошмар привиделся. Спасибо, что разбудила. Все в порядке, – самым ворчливым тоном откликнулся я.

Искренняя тревога девушки была непривычна. С тех пор как погибла Талька, единственным человеком, которого тревожило мое здоровье, был я сам. И увеличение числа заинтересованных в моем благополучии лиц на еще одну единицу оказалось неожиданно приятным. Приятным настолько, что я едва сдержал острое желание хоть как-то проявить это.

«Она не Талька! Не Талька!!! Она просто похожа!» – в очередной раз напомнил я себе, прежде чем повернуться к девушке.

– Как у тебя дела?

Несмотря на легкое сопротивление – вызванная постэффектами стосила слабость еще не прошла, – я осмотрел ее раны. Неплохо. Заживают даже быстрее, чем я надеялся. И это несмотря на прием стимулятора! Еще пара-тройка

дней, обильное питание, кое-какие эликсиры – и можно будет вставать. Сменить повязки, влить в горло лекарства...

Еда – вот с едой у нас были проблемы. Пара кусков хлеба и тушка подбитого камнем голубя – совершенно недостаточное питание для выздоравливающей раненой. Впрочем, кое-что можно было придумать и в этих условиях. На завтрак и это сойдет, а попозже постараюсь раздобыть чего-нибудь получше. Благо деньги после ограбления Рвача были, а значит, на близлежащих фермах вполне можно прикупить какого-нибудь провианта. Например, курицу...

Глядя, с каким отвращением Лаура осторожно, двумя пальчиками держит голубиную тушку, и припоминая себя в подобной ситуации, я решил ей немного помочь. Этому приему меня когда-то научила Талька – если ты вынужден есть что-то отвратительное, но необходимое, чтобы набить брюхо и не сдохнуть с голоду, надо отвлечь сознание, занять разум решением какой-либо задачи. А тело – тело справится само. Оно далеко не столь брезгливо, как наш разум.

– Расскажи мне о себе, – попросил я.

В ответ мне достался странный, задумчивый взгляд. Похоже, Лаура прикидывала, что и как много можно мне рассказать. С безразличным видом я откинулся на солому, стараясь не смотреть на еду в ее руках. Признаться честно, голубиная грудка на данный момент меня интересовала куда больше, чем ее история. Тайн у меня хватало и своих, а вот жратвы больше не было. Но для раненой еда была гораздо

важнее – голодовка после принятия эликсира Вайпо может привести к атрофии и самоперевариванию тканей, и потому я терпел, несмотря на весьма аппетитные запахи. Меж тем Лаура, кажется, определилась с тем, в какую часть своих секретов она может меня посвятить, и начала рассказ.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Идеальная женщина похожа на винтовку Мосина: надежная, красивая и безотказная. Но, как и с оружием, с такой женщиной есть одна проблема: отслеживать, чтоб она была только в ваших руках!

Княжество Реис. 14 день звездня 3020 года от Признания богов (три месяца назад)

– Но почему я? – Лаура нервно прошлась по небольшому уютному кабинету, старательно не глядя на княгиню. – Ната, почему именно я? – Одной из небольших привилегий старой дружбы была возможность вот так, наедине, называть княгиню коротким детским именем. – Я не дипломат, я ничего в этом не понимаю! Я просто провалю все дело!

– Не паникуй, Ла! Подумай сама: а кто, кроме тебя? Кому еще я могу доверить подобное? – устало отозвалась княгиня – невысокая смуглая женщина лет двадцати пяти. Чуть полноватая – той легкой полнотой, что не нарушает естественных пропорций тела, но лишь подчеркивает его достоинства, – с округлым лицом и ясными глазами, в простом

домашнем платье, она была больше похожа на добродушную жену богатого крестьянина или купца средней руки, но никак не на всевластную владычицу одного из крупнейших княжеств.

И немало заговорщиков, обманутых ее видом и мягкой речью, уже расстались со своими головами после попыток надавить на такую, казалось бы, уступчивую и податливую девушку. Своими владениями Натрана Ресс правила твердой рукой.

– У тебя при дворе что, интриганов мало? Опытных дипломатов не хватает? В конце концов, просто умных аристократов?

– Аристократов – куча. Интриганов много. Дипломатов тоже хватает. Умных... найти сложно, но можно. Но главное – при моем дворе наблюдается просто трагичный недостаток преданных. А вот чтобы три в одном, да еще и женского пола – преданная аристократка, которая к тому же не совсем дура, – так только ты одна и нашлась!

– Угу, аристократка... Дед дровами торговал, а туда же... Куда нам, с нашим свиным рылом, в ваш калашный ряд... – притворно нахмурилась Лаура, которую в общем-то отнюдь не волновало не слишком-то древнее дворянское достоинство ее семьи.

«Судить надо по делам, а не по родословным». До тех пор, пока ее подруга и покровительница Натрана Ресс придерживалась этого мнения, наличие или отсутствие длинного спис-

ка благородных предков не очень-то влияло на отношение Лауры к себе самой и тем более ко всем остальным.

– Да и с каких это пор налаживание торговых связей требует столь тщательного подбора посланцев? – поинтересовалась девушка. – Почему обязательно женщина и преданная?

– Потому, что торговля не совсем обычная предвидится, – резко посерьезнев, ответила княгиня, – товар уж больно редкий и необычный. Официально – ты едешь договариваться о прямых поставках строевого леса и создании собственного торгового представительства княжества в Лаоре. А то уж больно много денег мы теряем, продавая лес – «дрова», как ты выразилась, перекупщикам. – Тут княгиня сделала длинную паузу.

– А неофициально? – немедленно подхватила Лаура, с любопытством глядя на подругу.

– А неофициально – ты будешь продавать куда более редкий товар. Можно сказать, уникальный! И вот его-то я кому попало доверить никак не могу! Фактически ты единственная, в ком я хотя бы относительно могу быть уверена. Ну, кроме самой себя, разумеется. Но сама я поехать, как ты, конечно, понимаешь, не могу никак...

– Да не тяни ты kota за предмет мужской гордости! – не выдержала Лаура. – Что за товар-то такой? – Внучка удачливого коммерсанта вся изнывала от любопытства.

– Товар, как я уже говорила, редкий и уникальный. Предмет высочайшей художественной ценности, между прочим.

По крайней мере, все мои придворные художники об этом говорят дружно и не сговариваясь. Ты, кстати, в данный момент имеешь честь на него любоваться...

– Что? – Изумлению Лауры не было предела. – Где? Это ковер твой, что ли? Стандартная шархийская поделка, ничего уникального, красная цена – шесть золотых в удачный базарный день. Гони этих лизоблюдов ко всем демонам, ничего они в ценностях не понимают!

– Гхм... – слегка покраснев, откашлялась княгиня. – Вообще-то я имела в виду себя...

– Стандартное изделие высшей аристократии Рейсского княжества... – начала было разгорячившаяся Лаура, но тут же осеклась и с любопытством уставилась на княгиню. – Э-э-э... это ты в каком смысле? Надеюсь, тебя не одолел острый приступ мании величия и ты не собираешься торговать своими портретами направо и налево, в расчете подчинить мир своей неземной красотой? На уровень продаж лубков с непотребными девками тебе все равно не выйти... Хотя...

Тут Лаура задумалась и смерила княгиню оценивающим взглядом. Хорошо знающая свою подругу, та немного нервно поежилась. Настолько задумчивый вид явно свидетельствовал о том, что внучке удачливого купца пришла в голову очередная безумная идея о пополнении казны княжества.

– Привстань-ка... Повернись... Изобрази на лице задумчивость о судьбах отечества... Знаешь, а я была не права! Отличная идея! Просто шик!

– Вот уж не ждала от тебя такой решимости, самоотверженности и готовности к борьбе за наполненность казны любыми методами, невзирая на личные неудобства и замшелые предрассудки!

– Значит, так. Простой лубок – десять серебряных, не меньше, а полноценные картины, с печатью и твоей росписью, с удостоверением качества и аутентичности – минимум сотню золотом! Минимум! А если хорошенько подогреть интерес, то можно и по пятьсот продавать! Я не я буду, если за поездку расторгнемся меньше чем на десять тысяч! Плюс продать привилегии местным художникам, обязательные отчисления опять же...

– Эй, эй, ты чего там задумала-то? – обеспокоенно подергала княгиня углубившуюся в какие-то свои подсчеты Лауру.

– Как что? Сама ж сказала. Тебя продавать. Картина «Княгиня обнаженная». Торговля копиями, разрешенными и нелегальными лубочными; с учетом привилегий, которые можно дать цеховым художникам, перспективы продаж... на первый год тысяч пятьдесят, а то и сто в казну получишь, в следующие пять – еще по десять, да и потом тысячи по три-четыре в год иметь будешь...

– Гхм-гхм... – Княгиня смущенно закашлялась и даже слегка покраснела, чего с ней не случалось уже очень давно. – Говоря «продавать», я не имела в виду в прямом смысле!!!

– А в каком еще? Слово «продать» имеет исключительно

однозначный смысл.

– Мой брачный возраст давно подошел, но я все еще не, – издали начала Натрана. – Собственно, если именоваться по всем старым правилам, то никакая я не княгиня. Княжна и не более того. Просто после смерти родителей...

– Можешь не рассказывать, – недовольно поморщилась Лаура. – Эту историю я знаю не хуже тебя. Как и причины того, что ты все еще не замужем. Переходи прямо к делу.

– Хорошо. К делу так к делу. Ты представляешь, что тут начнется, объяви я о своем желании выйти замуж? Хотя мой муж и будет всего лишь консортом, не более, но это будет мой муж!!!

– Твои бояре покончат жизнь коллективным самоубийством. Перережут друг друга за одно лишь подозрение, что кто-то из них может оказаться твоим избранником. За компанию и тебя отравить могут... Меллер, конечно, попытается это предотвратить... Но у меня, признаться, нет уверенности, что он справится.

– У меня тоже... – печально кивнула княгиня. – Хуже всего то, что и у самого де Бейля такой уверенности тоже нет!

– Ну и?.. К чему ты это? Я же сказала, что знаю причину того, почему ты не замужем!

– А к тому, что настоящей причиной твоей поездки в Лору будет поиск для меня жениха.

– Э-э-э?.. – только и смогла протянуть ошарашенная Лаура.

– Кто-нибудь из вторых-третьих наследников Старых, а лучше Древних родов; не дурак, не властолюбив, желатель-но приятной внешности и не совсем сволочь, если ты, конечно, ухитришься найти представителя Древнего рода с таким редким качеством. Полномочия я тебе дам самые обширные. Вплоть до заключения предварительной помолвки от моего имени. Теперь понимаешь, почему должна ехать именно ты? Надеюсь, предупредить о том, что все это следует держать в полном секрете, не надо?

– Вот так... – закончила свой рассказ девушка.

– Интересная история.

Я задумчиво погрыз соломинку. Что-то в ее рассказе не давало мне покоя, какая-то мелкая нестыковка царапала изнутри, не давая полностью поверить и принять ее рассказ. Нет, сама Лаура верила в рассказанное ей полностью. Это было явно видно, уж настолько-то читать людей меня научили.

– Скажи, а об этом вашем разговоре еще кто-нибудь знал? И что твоя княгиня хотела больше: получить в княжество кого-либо владеющего знаниями Древних родов или найти себе жениха, неподконтрольного вашей знати? – Я внимательно взгляделся в глаза серьезно призадумавшейся девушки. – Обдумай это. А еще обдумай то, что перед тем, как мы оказались в одной палате, в «гостях» у Рвача, тот невзначай упомянул, что ты нужна исключительно живой – в против-

ном случае за тебя не заплатят. Если же учесть, что все твои друзья и родственники находятся в Рейсском княжестве, на расстоянии практически месяца пути, то становится очень интересен вопрос: кто именно обещал заплатить за тебя Рвачу? Кто-то, кто живет тут, неподалеку, и имеет в своем распоряжении немалые средства. Интересно, правда?

Странно... Очень странно. Я никогда не был мастером интриг – собственно, до того момента, как мое обучение было прервано нападением великого герцога Атари, в освоении этой сферы я находился на самой начальной стадии. Мать считала, что нет нужды спешить со столь специфичным обучением, тем более что какими-то особыми достижениями в этой области Сержаки все равно никогда не могли похвастаться.

Алхимики, врачи, ученые, воины и полководцы... Последние два пункта – куда чаще. В интригах мой род традиционно был слабоват. Мои предки могли отравить врага хитрым ядом, прибить на поединке или, разгромив всю его армию, сжечь в его собственном замке. Но вот подстроить ссору недруга с сюзереном, участвовать в нескольких враждебных альянсах так, чтобы все они считали тебя своим преданнейшим союзником, и тому подобные вещи... в этом мы были откровенно не сильны.

Так что кое-что я знал, но знания эти были довольно скудны и к тому же не подкреплены практикой. Но все же хоть что-то... И, видимо, настала пора это «что-то» использовать.

Рассказ Лауры натолкнул меня на мысль о том, что мы можем оказаться весьма полезны друг другу. Я – и Рейсское княжество. Они искали кого-либо из отпрысков Старых или Древних? Я – потомок Древнейшего рода. Разумеется, ни о какой свадьбе не может быть и речи. Кто я – никому не известный безымянный подросток-оборванец и кто могущественная княгиня? Но вот выгодно продать свои услуги...

Спасая Лауру, я не предполагал, что все может обернуться таким образом. В тот момент она была для меня просто человеком, слишком похожим на Тальку, чтобы я позволил ей умереть. Но сейчас, после ее рассказа... Доверенный человек княгини Рейса – когда-то одной из наиболее удаленных провинций империи, а сейчас и вовсе почти сказочного государства, сведений о котором было до крайности мало, – это *шанс!!!* И я не мог его упустить!

Самое смешное, что хотя Лаура этого и не знала, но шанс был обоюдным. Пусть я был еще слишком молод и не имел за своей спиной могучего и сильного рода, пусть я отрекся от имени до тех пор, пока не смогу исполнить свою мечь, но знания, немалые знания рода Сержак по-прежнему были в моем распоряжении. А знания одного из Древнейших родов – это немало. Очень немало. Пусть даже мое обучение не завершено, пусть многие важные части были выкинуты и обрезаны из-за недостатка времени – родители предчувствовали вероятность нападения и спешили как могли, но самое главное, самые основы я получить успел. И это была великая

ценность. Даже в том случае, если носителем этих знаний является голодный и полунущий бродяга вроде меня.

Самое интересное, что до этого момента я попросту не осознавал всю ценность имеющихся у меня знаний. Да, они не были предназначены для выживания на улице, без денег, инструментов и реактивов. Но все же... Я мог сделать многое. Жалкие осколки, мельчайшие крупички моих знаний с удовольствием купил бы любой сенатор, любой богатый человек, не пожалев за них никаких денег. Но, не понимая этого, я молчал, пользуясь лишь небольшой долей своих знаний по целительству и алхимии и не выбиваясь тем самым из рядов простых трущобных жителей.

Хотя... оно, наверное, и к лучшему. Кто знает, какими методами вышибали бы из меня знания моего рода, доведись мне хоть чуть-чуть приоткрыться? Могу предположить. Наличие знаний в отсутствие родовой защиты... это искушение для многих! Вот только как мне быть сейчас?

Пусть даже сама Лаура, может быть, и не станет добывать из меня мои тайны при помощи раскаленного железа и плети, но кто знает, что решит по этому поводу ее княгиня? Если уж она готова была отдать саму себя невесть кому в жены ради права прикоснуться к запретным знаниям, то уж отдать неизвестного ей мальчишку в руки опытных палачей – буквально-таки сами боги велели!!!

Но в то же время она нужна мне, а ей нужен я. И значит, надо что-то придумать. Я должен это сделать!

Впрочем, не прямо сейчас. На данный момент задача ясна – как следует накормить выздоравливающую, причем *нормальной* пищей, и в достаточном количестве. А значит, придется добывать еду попримичнее. Курицу, например... а лучше две... или три...

Казалось бы, что может быть проще, чем купить курицу? Есть деньги, причем вовсе не мало – на всякий случай я взял с собой целых пять золотых из награбленной у Рвача добычи. Учитывая, что хорошая, жирная, яйценоская курица стоит максимум один серебряный сестерций, а поторговавшись, можно и за семь медных ассов взять, на золотой ауреус я этих куриц мог бы купить столько, что и утащить не по силам!

Все вроде бы так... Да только не совсем.

Если взглянуть с точки зрения любого крестьянина, любого торговца, у которого я захочу совершить такую покупку, все становится отнюдь не так просто.

Кого он увидит, взглянув на меня? Абсолютно незнакомо-го ему подростка-оборванца, неведомо где и как раздобывшего целый золотой! Впрочем, почему это «неведомо»?

Совершенно ясно, и никаких сомнений – он его украл. А забрать ворованное – отнюдь не грех, а, наоборот, благое деяние, особенно если вору еще и ребра пересчитать как следует!

За столь доброе дело боги в иной жизни достойно награ-

дят, ну а в этой – свершивший его крестьянин вознаградит себя и сам... Тем самым золотым ауреусом, что он заберет у воришки-оборванца. Выгодный и достойный поступок, с какой стороны ни посмотреть! И не надо отдавать курицу, да и сдачу искать тоже не требуется. Девяносто девять сестерцев чистой выгоды получается, плюс нетронутая курица.

Система эта мне знакома... Очень хорошо знакома, с тех самых пор, как, бежав от великого герцога Атари, я пробирался в Лаору. Если ты не можешь постоять за себя сам или не имеешь рядом достаточно внушительного защитника, для крестьянина ты будешь вором, а твое имущество – подлежащим немедленной конфискации в качестве «украденного». Так-то я из нашего замка отнюдь не в лохмотьях удирал. И кошелек вовсе даже не пустой был. И продолжалось все это до ближайшей деревни, куда я как раз прикупить еды и зашел...

В общем, досталось мне изрядно. В основном потому, что сразу «украденное» не отдал, да еще и сопротивляться пытался... Думаю, будь я постарше – и вовсе убили бы. Впрочем, и так шансы на выживание я имел весьма небольшие, и если бы не найденные в овраге, куда меня сбросили, небольшие заросли ацеласа – то там бы я и остался. С переломами обеих ног, при отсутствии еды, денег и теплой одежды далеко мне было не уйти.

С отсутствием денег и одежды я ничего поделывать так и не сумел. Но залечить переломы в кратчайшие сроки ацелас

мне помог, а вороны оказались вполне съедобными тварями. Хорошо, что хоть тепло было, потому что, несмотря на ацелас, дней десять мне в этом овраге провалиться все же пришлось.

Так что крестьян и фермеров я с тех пор сильно недолюбываю. И остерегаюсь. Потому идти к ним просто так, с распахнутыми объятиями и пятью золотыми в кошельке я не собирался.

Во-первых, деньги не лишние.

Во-вторых, ребра и ноги отнюдь не казенные и, когда их ломают, болят просто зверски.

Ну и в-третьих, вряд ли и в этой деревне, точнее, в овраге рядом с ней я найду заросли ацеласа. Растение это редкое и весьма дорогое. Смешно: если бы те крестьяне вместо грабежа решили со мной посоветоваться, то могли бы разбогатеть гораздо больше, чем на ту сотню ауреусов, что они взяли из моего кошелька.

Слишком редок ацелас, слишком требователен он к условиям произрастания и слишком высоко ценится любым, кто хоть немного разбирается в медицине. Та деревенька обладала немалым богатством, о котором они даже не подозревали... Обладала до моего ухода. Корни ацеласа обладают куда большей целебной силой и ценятся гораздо дороже листьев. Но их никто не продает. Ведь выкопанный корень ацеласа, в отличие от листьев, не восстанавливается. Выкапывать корни этого растения – все равно что резать курицу,

несущую золотые яйца!

Мне надо было выздороветь как можно быстрее. Я выкопал их все.

Да, кстати, о курицах и яйцах. Воспоминания – оно, конечно, хорошо... вот только к решению моей задачи они совсем не приближают. А задача проста. Как добыть еду, не попавшись многочисленным охотникам за моей головой, которые наверняка уже начали свои поиски?

Нанять телохранителя? Не смешно. Деньги-то есть, взяли мы с Рвача не так уж мало... Вот только, учитывая мой непрезентабельный внешний вид и отсутствие надежных знакомств, охранять меня, скорее всего, будут ровно до ближайшего безлюдного места. То есть...

Я замер, стараясь не спугнуть пришедшую в голову идею. Чтобы меня не ограбили, мне надо выглядеть кем-то, грабить кого нельзя! Слишком сложно, опасно или грозит серьезными последствиями. Иногда не обязательно быть, достаточно казаться! Тогда, если я буду достаточно убедителен, и телохранитель не понадобится...

Вот только кем притвориться? Собственно, я мог бы с исключительной убедительностью сыграть самого себя – наследника одного из Древнейших родов Лаорийской империи. К сожалению, для этого мне не хватает кое-каких мелочей: богатой одежды, полного кошелька, сытого и отмытого вида и главное – десятка дружинников, готовых исполнить любое мое приказание. Как показывает печальный опыт, без

этого атрибута крестьяне попросту игнорируют все остальные.

Этот вариант не подходит. А жаль... Что еще? Кто может быть ростом с подростка, носить отрепья и вместе с тем иметь на руках пять золотых и внушать окружающим такое уважение или страх, чтобы его не ограбили? Что это за мифическая личность?

Мифическая личность?.. Пришедшая на ум идея была просто великолепна. В реальности таких людей, конечно, не существовало. Но вот в мифах... легендах... суевериях! Колдуны!

Собственно, а что мне мешает? Вырезать костяную птицу³ можно за полчаса работы ножом. Костей тут хватает, да и кто будет разбирать – из человеческой кости она вырезана или из вороньей... Вряд ли крестьяне столь уж великие специалисты в этом вопросе. Да и символично получится – «ворон» из вороньей кости...

Отрепья? Так судя по сказкам, многие могущественные колдуны, в основном, правда, из темных, именно так и ходили. Образ злого колдуна – это как раз то, что мне нужно. К доброму еще, не дай боги, с просьбами кто обратится. А вот злого вряд ли беспокоить будут. А если и побеспокоят – то пару-тройку примеров «злых чар» я им продемонстрировать

³ **Костяная птица** – ворон – считается птицей Темной Леди. Вырезанные из человеческих костей фигурки воронов изначально носили ее жрецы. Потом, по мере угасания культа, костяные фигурки воронов стали считаться непременным атрибутом темных магов и колдунов.

смогу, так и быть.

Я бережно огладил спрятанные в рукава небольшие флакончики.

Решено. Сейчас только вырежу «ворона» – и можно будет идти.

Прикрыв глаза, Лаура дремала, не обращая внимания на тихое шебуршание своего спасителя, что-то делавшего в отдаленном углу полуразрушенного зала. Ныла раненая нога, съеденный голубь активно просился наружу, намекая на категорическую несовместимость с непривыкшим к такой пище желудком, а общее самочувствие балансировало на грани между «очень плохо» и матерным ругательством. В общем и целом Лаура предпринимала все усилия, чтобы хоть ненадолго отрешиться от окружавшей ее неприятной реальности, переместившись в волшебный мир снов.

И вот в тот момент, когда цель, казалось, была достигнута, внезапно буквально взывшее чувство опасности, натренированное за годы отнюдь не беззаботной жизни, буквально выдернуло ее в реальность.

Чуть приоткрыв глаза, Лаура словно невзначай, во сне, слегка повернулась, осматривая окружающее пространство сквозь длинные и густые ресницы. Рука ее передвинулась ближе к изголовью, готовая мгновенно выхватить припрятанный там нож. Но все было тихо. Лишь Неженка, по всей видимости завершивший свое загадочное занятие, теперь

критическим взором осматривал невидимый Лауре небольшой предмет, держа его в ладони.

Повертев его так и эдак, страдальчески кривясь и морщась, видимо, будучи категорично неудовлетворен качеством своего изделия, он наконец зло мотнул головой и тихо пробурчал: «И так сойдет».

Затем привесил поделку к своим отрепьям, подхватил валявшуюся рядом палку и, стараясь не шуметь, начал пробираться к выходу.

Лаура напрягла слух. Странно. Никаких других шагов и звуков, кроме издаваемых ее загадочным спасителем, слышно не было. Да и чувство опасности указывало именно на него. Но какую угрозу он мог представлять? Он явно шел к выходу, даже не приближаясь к Лауре, и, значит, не мог незаметно ударить кинжалом или своей палкой. Сдать ее страже? Тогда зачем было спасать? Собственно, реши он ей навредить, и она все равно ничего не смогла бы предпринять.

Лаура уже совсем было решила, что ее чутье в кои-то веки ошиблось – что в общем-то уже бывало, хотя и не часто, – когда неспешно идущий к выходу Неженка чуть развернулся, так что ей стала хорошо заметна небольшая, грубо вырезанная из чьей-то кости фигурка ворона, сейчас висевшая у него на груди.

Лишь огромным усилием воли девушке удалось подавить испуганный вскрик. Маленькая костяная фигурка... кардинально менявшая все ее представления о произошедшем и

об уровне опасности ее спутника.

Лаура закрыла глаза и старательно очистила голову от всех мыслей, сосредоточившись лишь на дыхании. Вдо-о-ох – вы-ы-дох. Вдо-о-ох – вы-ы-дох.

«Я сплю. Крепко сплю...» Как же не вовремя! Чувство опасности не подвело. Тот, кто представился Неженкой, и впрямь был опасен. Невероятно опасен. Особенно для идиотов, случайно раскрывших его тайну.

«Я сплю. Я сплю!!! Я крепко-крепко сплю и ничего, совсем ничего не видела! А если и видела, то это всего лишь сон. Глупый-глупый сон, и ничего больше, который я забуду сразу же, как только проснусь», – повторяла про себя Лаура. Наверняка она, конечно, не знала, однако в некоторых трактатах упоминалось о возможности собратьев Неженки читать мысли. Так что лишняя подстраховка была отнюдь не лишней.

Рассуждать здраво она смогла лишь через несколько минут после того, как вдали стих тихий стук разбитых сандалий подростка. Хотя какой он, к демонам, подросток! Видимый возраст в данном случае не говорит ни о чем!

– Колдун... – тихо прошептала девушка, внимательно глядявясь вслед ушедшему. – Настоящий колдун. А ведь считалось, что все жрецы Темной Леди уничтожены больше двух веков назад... Теперь-то понятно...

Все несообразности, связанные с ее освобождением, странные знания и умения Неженки становились понятны и

легко объяснимы, стоило только увидеть небольшую костью фигурку ворона, что он прикрепил к своей груди.

Колдун, как их называли в народе. Жрец темной богини, о чем знали очень немногие. Тот, кого нет и никогда не было, если верить официальной пропаганде. Вот только для несуществующего человека, владеющего несуществующими силами, Неженка обладал слишком уж большим могуществом и умениями.

Впрочем, главным было не это. Хотя он и скрывал от нее свои знания, так же как и истинное имя (что было совершенно понятным, если учесть, кто он такой), важным было то, что он применял их и даже убивал ради помощи как ей, так и через нее – Реисскому княжеству. А это, если вспомнить про кое-какие обычаи Темных, – было очень и очень немало. Собственно, сейчас перед Лаурой возник поистине уникальный шанс, куда более важный, нежели ее посольство. Если удастся договориться... то все эти надменные Старые, Древние и даже Древнейшие роды могут дружно утереться и идти... далеко-далеко, все вместе и каждый по отдельности. Знаниями колдуны обладали никак не меньшими и, в отличие от Пришлых, вполне охотно делились ими. Что, собственно, и послужило одной из наиболее важных причин их уничтожения.

Насчет возможности самозванства Лаура даже не задумывалась. Во-первых, слишком необычными были уже продемонстрированные знания, умения и навыки Неженки. А во-

вторых, даже последний и самый необразованный из крестьян отлично знал, что нет более верного способа привлечь к себе внимание Темной Леди, чем надеть костяного ворона. А уж темная богиня никогда не отличалась добродушием и милосердием, особенно по отношению к самозванцам, вздумавшим выдавать себя за ее жрецов.

Это знали все... Все, кроме получившего весьма и весьма специфическое образование недоучки из рода Сержак. Точнее, знать-то он знал... вот только обучавшие его родичи не позаботились донести до него информацию о всей опасности подобных действий. Не позаботились по вполне простой и объективной причине – ему эта опасность попросту не грозила.

Некто, известная как Темная Леди

Однако. Я даже не ожидала *таких* результатов своей маленькой акции. Похоже, я сильно недооценивала свою популярность у людей. Стоило только намекнуть – и избранник уже спешит изготовить и надеть на себя знаки моего служителя! Хе-хе... Так ты говоришь, пусть сам выбирает? Ничего тебе, старый пень, не обломится! Он *уже* выбрал. Практически сразу, как только узнал о такой возможности! Рада приветствовать тебя, мой пала... *Жрец?*

Э-э-э... Почему у моего паладина знаки жреца? Хорошо хоть моего... Нет, старик все же сволочь! Так ограничивать мои возможности! Сейчас бы заглянула ему в голову, и все,

но нет... мучайся теперь любопытством... Я же девушка – мне это противопоказано!

Может, он облачения перепутал? А что? Паладинов у меня давненько не было, а жрецы еще не так давно жили... Вот он и не знает, как правильно облачаться следует и какие знаки носить. Точно! Люди же так мало живут, и память у них плохая! Вот и одевается как может.

Так что ошибка прощительная. И я ему ее прощу. В конце концов, я ведь не только могущественная, величественная и прекрасная, но и очень милосердная. Да-да!!! А если кто в этом усомнится, тот сам себе враг и злобный самоубийца особо извращенным способом...

Так, о чем это я? Немного отвлеклась... А, о паладине моем новом.

Наверное, следует ему присниться да подсказать, как правильно облачаться, как творить обращения, как приносить жертвы... В конце концов, такая преданность мне заслуживает награды! Выбирая между мной и Верховным, он ведь не колебался ни мгновения! Буквально в тот же час, как проснулся, изготовил мои знаки. Правда, жреческие... но, как я уже говорила, это прощительная ошибка. Так что Первый Дар он уже честно заслужил. И он его получит! Сейчас же. Немедленно! Как знак моей поддержки и благосклонности.

Деревня встретила меня шумом захлопывающихся ста-

вен, испуганными криками детей и настороженными взглядами немногих смельчаков, отважно глазеющих на пришлого колдуна сквозь щели плетня.

Надо сказать, я приложил все старания для соответствия своей роли. Немного пепла из кострища и клея из грибов превратили мое лицо в сморщенную старческую физиономию, один взгляд на которую вызывал панику у лошадей и истерику у собак. О реакции людей я уже сказал.

Прихрамывая сразу на обе ноги, я опирался на корявый посох с набалдашником из кошачьего черепа, в глазницах которого мерцали тусклые зеленые огоньки.

Ух и намучился я, пока его подготовил! Дохлая кошка, у которой я изъял столь важный атрибут злого колдуна, выразила свой пассивный протест на мой грабеж при помощи целого облака мух и невероятного по гадостности аромата, прочно впитавшегося в мою одежду. Это, конечно, добавило правдоподобия отыгрываемой мной роли... Но удовольствия мне отнюдь не доставило.

Хорошо еще, что неподалеку я обнаружил гнездо хищных муравьев. Забросив туда изъятую у кошки и мушиных полчищ голову, через десяток минут и пять болезненных укусов (что, собственно, и послужило причиной моей хромоты) я забрал оттуда великолепно очищенный кошачий череп.

Остальное было проще. Эльфийские светляки, тот же грибной клей, вырезанная в ближайшем осиннике палка и кошачий череп в совокупности превратились в зловещий ма-

гический посох злобного колдуна.

Подготовив пару эликсиров, способных, при некотором везении и ловкости рук, продемонстрировать окружающим «магическую мощь» новоявленного черного мага, я поспешил в деревню.

Признаюсь честно: то место, что располагается пониже спины и отвечает за предчувствие неприятностей, меня предупреждало, категорично не советуя ввязываться в эту авантюру. Но зов желудка, почувствовавшего возможность перехватить пару-тройку вкусных, жирных и нежных куриц, оказался сильнее.

Стараясь не задерживаться дольше необходимого, я стремительно ковылял к главной площади, где располагалась ярмарка. Высокие налоги, которые взимала Лаора за право торговли в городских стенах, вытеснили часть торговцев в близлежащие деревни и села, чем я и намеревался воспользоваться.

Крестьяне могут прятаться за ставнями и плетнями при приближении «колдуна» сколько им угодно, но ни один торговец никогда свой товар не бросит и не откажет в продаже хоть самой Темной Леди, а не то что какому-то там колдуну. Проклятие и неудовольствие богов – оно вещь призрачная, в отличие от потерянной прибыли...

Собственно, так и получилось, за исключением одного маленького момента. Ну откуда мне было знать, что совсем недавно крестьянами на окружающих деревню полях бы-

ла поймана семья оборотней? Причем их не забили на месте, как это происходило обычно, а скрутили живьем, в связи с чем из города был вызван младший святитель храма Всеблагого и Величайшего для проведения торжественного аутодафе!

Впрочем, шансы избежать конфликта еще были. Вещающий что-то с подготовленного для неудачливых псов эшафота святитель кинул на меня лишь один настороженный взгляд, после чего демонстративно отвернулся и больше в мою сторону не поворачивался. Судя по его поведению, он вовсе не горел желанием вступить в смертный бой во имя своего покровителя с колдуном неизвестной силы и неумеренной наглости.

Видя такое его поведение, собравшийся поглазеть на казнь народ также решил проявить благоразумие, не обращая на меня внимания более необходимого.

Данное решение весьма меня порадовало. Лишних проблем мне совершенно не хотелось. Да и что я мог сделать? В конце концов, хоть я и не одобряю позицию церкви по отношению к киноидам (как называли их расу ученые мужи Лаорийского университета), но эта семейка знала, чем рискует, выбираясь из своих лесов к человеческому городу. Чем они, интересно, думали, решив промышлять так близко к Лаоре?

Хотя, если честно, никогда не понимал причин такой ненависти. В конце концов, ведь ни один пес-оборотень ни-

когда не нападал на человека первым.

Кошки – те да, бывало. Однако, как ни странно, несмотря на это, отношение к ним всегда было куда мягче. Наложница из фелидов – обычное явление для любого достаточно знатного и богатого человека, который может позволить себе такую роскошь. А вот псов недолюбливали.

А учитывая искреннюю ненависть, которую по неизвестным причинам питали к Измененным жрецы Всеблагого, семейству, зачем-то выбравшемуся из резервации или какого-то тайного лесного поселения в людские земли в самом ближайшем будущем грозила мучительная смерть.

Мне, признаться, это совсем не нравилось. Религиозной истерии по поводу «нечистоты» Измененных я не разделял. По-моему, сжигать разумных созданий просто за то, что они пытались подобрать остатки еды на убранных полях... нехорошо это. Неправильно.

Впрочем, помочь им я все равно не могу. Одно дело, что святитель «не замечает» колдуна под собственным носом. Это понятно. Суеверие наше все! И совсем другое, если этот колдун попробует отобрать его добычу. Тут уж ему волей-неволей придется в драку. И шансы у меня в этом случае даже не призрачные. Их, этих шансов, нет вовсе!

А все же жаль... Очень жаль... Жило у нас в замке семейство. И помню я их только с самой лучшей стороны. Имел бы возможность – помог обязательно. К киноидам я, признаться, отношусь куда лучше, чем к людям. Хотя бы только по-

тому, что собаки в принципе, по самой своей природе, не способны на предательство и подлость.

Отвернувшись от продолжающего свои разглагольствования жреца, я продолжил спор с торговцем. В конце концов, я так старался, вырезая костяного ворона и изготавливая этот клятый посох, что просто обязан получить за свои усилия достойную скидку!

Надо признать, что, увлекшись торговлей, я позорнейшим образом проморгал начало всей катавасии. Я только-только убедил обильно потеющего продавца в том, что пятьдесят медных ассов и благословение от такого могущественного, но немного голодного колдуна, как я, вполне достойная плата за одну из его тощих куриц, как в той стороне, где располагался эшафот, послышались какой-то шум и крики.

Впрочем, занятый своим делом, я не реагировал. Еще бы! Несчастный торговец как раз намекнул, что его вполне устроит плата в сорок пять ассов за курицу при отсутствии с моей стороны не только проклятий, но и благословений, а я старательно не замечал его намеков.

«Не замечать» их я намеревался до тех пор, пока он не скинет цену как минимум до тридцати медяков, и это требовало от меня всего возможного внимания и тщательного обдумывания любого своего слова и жеста. Уж больно ушлый оказался торгаш. Даже помахивание «волшебным» посохом возле его носа сбило цену всего на пять ассов. А это уже тя-

нуло на настоящий подвиг...

Шум нарастал. Крики, вначале одобрительные, спустя немного времени превратились в испуганные, а потом озлобленные. Когда за твоей спиной шумит разгневанная чем-то толпа, игнорировать подобное глупо и очень опасно. Особенно в моем положении. Прервав очередной спич торговца, я обернулся.

М-да. Ситуация была странной. С одной стороны, толпа была разгневана не на меня. Более того, о моем присутствии, казалось, все забыли. И это было хорошо. Но вот причина, вызвавшая ярость народа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.